

В теньке, в холодке, у сарая все лето стояла поленница. За дождливую осень, за долгую зиму вышли дрова. Всего одно полешко у сарая лежит. А на полешке кто-то сидит: сам ростом с полешко, а рубашка как береста у березы, лицо будто топором вырублено, а доброе.

— Ты кто?

— Дед Полешко.

— А где ты живешь?

— В поленнице жил, а теперь вот без дома остался.

— А что ты в поленнице делал?

— Делал, что просят. Столярничал, плотничал. Сейчас вот дугу гну для лошади.

Смотрит Пашутка: а дуга-то с ведерную дужку. И всё у деда Полешки маленькое: и топор, и рубанок, и молоток. Расписал дед

Полешко дугу лесными цветами, колокольчиками да жарками, и поставил сушить.

Просит Пашутка:

— Дай мне, дед Полешко, твой топор.

— Тебе для чего?

— В лес пойду, дров нарублю, сложу для тебя новый дом.

— Что ж, бери...

Взял Пашутка топор и отправился в лес. Подошел к молодой рябине. Пропела рябина рябиновым голосом:

— Я рябина — молода, первый раз нынче цвела. В рябиновых бусах не нарасовалась. С дроздами-рябиновиками песен не напелась. На месяц и звезды не нагляделась... Что ж ты так рано пришел?

Услышал Пашутка, что пела рябина, и отошел. Подошел к березе. Качает береза ветками, в гнездах птенцов укачивает.

— Тише, Пашутка, здесь не ходи, в гнездах птенцов не буди.

Отошел Пашутка на цыпочках, подошел к старой ели.

Проскрипела ель:

— Я хоть и стара, да всем нужна. В дупле у меня белка с бельчатами. Между корней бурундуки с бурундучатами. Ты, Пашутка, во мшарник иди. Там бурей сосну повалило. Большая сосна, на поленницу хватит.

Пришел Пашутка во мшарник, видит — сосна повалена. Сколько он к ней ни подступался — не берет сосну топор. Сел Пашутка на мох, пот вытирает. Вдруг как из-под земли — лесные мужички-бурундучки. В шапках, рукавицах, за поясами — топоры. Как навалились все разом! Пилы — вжик да вжик, топоры — тюк да тюк. Гору дров мужички нарубили.

Потом один посвистел: «Карий! Карий!» Прибежал коняшка в оглобельной упряжке. Дуга с ведерную дужку, колокольчиками да жарками расписана. Издалека видно — работа Полешкина.

Сбросали лесные мужички-бурундучки дрова на телегу и сами уселись. Пашутка домой побежал. Широко перед Карим ворота открыл. Въехал Карий во двор. Мужички-бурундучки дрова сбросали, стали поленницу складывать. Красиво сложили — полешко к полешку. Под каждое полешко положили по орешку.

Будет дед Полешко в поленнице зимовать. Будет всю зиму орешки щелкать. Сделал дед Полешко из бересты туесок. По туеску протянул золотой пояс.

— Дедушка Полешко, для чего тебе пояс?

— Для того, чтобы знать, сколько ягод в туесок насыпать. Насыпай туесок по пояс. Выше не сыпь. Запомнил?

Пошел Пашутка с туеском за брусникой. На Вороньей горе она рано поспела. Много брусники, хоть граблями гребь. Обидно уходить с неполным туеском. Просит Пашутка туесок:

— Туесок, туесок, подними поясок.

Послушался Пашутку туесок — у самого краешка уже золотой поясок. Насыпал Пашутка брусники по краешки, стал спускаться с горы, а навстречу медведь:

— Здорово, с туеском золотым пояском, что брал?

— Бруснику.

— Меня, старика, угости-ка.

Запустил медведь лапу в туесок, угостился. Лапу облизал и у самой тропы спать завалился. Пашутке обидно: брал бруснику, брал, а медведь всю отобрал.

Поднялся опять Пашутка к брусничнику, не стал смотреть на поясок — с верхом набрал туесок. По тропе спускаться не стал. У тропы медведь спит. Вдруг опять пристанет: угости да угости... Свернул Пашутка в темный ельник. В ельнике белка рыжая скачет. И все вокруг Пашутки, все около. Дразнит белка Пашутку, цокает.

— Ц-ц-ц! Гляди-ка, гляди-ка: туесок с верхом насыпан, а ведь по краю протянут золотой поясок. Жадине достался туесок!

Рассердился Пашутка: «Дался вам этот поясок! Лучше б его и не было вовсе!» Только сказал, золотой поясок в траву и упал. Перешагнул через него Пашутка и домой зашагал.

Шел-шел, пить захотел, стал воду искать. Ни ручейка, ни бочажка не видать. Вдруг слышит — по кочкам телега гремит. На телеге — бочка. На бочке дрозд сидит. Воду везет. На весь ельник поет: Дрозд-водовоз воды вам привез.

Воду вез издалека,

С Мохового родника,

Из-под камешка сырого,

Из-под смородного куста.

Будете пить — дрозда хвалить.

Окружили дрозда птицы: славки, иволги, синицы. Дрозд из бочки ковшем зачерпнул. Пашутке ковш протянул:

— Дрозд-водовоз никого не обнес.

Пашутка напился воды, ковш отдал. И вдруг спохватился:

— Подожди-ка, дрозд, подожди-ка.

И насыпал дрозду полный ковшик брусники.

Веселей, легче стало идти. Да только вот сбился Пашутка с пути. Как сбился, и сам не заметил. Вдруг видит: впереди в кедраче что-то светит. Горит костерок. Над костерком — таганок. На таганке — котелок. А вокруг костра лесные мужички-бурундучки. Они сразу Пашутку узнали, к костру пригласили, похлебки налили.

Сами заняты делом: шишки кедровые шелушат. В горячей золе орехи калят. Стали орехи в мешок ссыпать, свистеть, Карего звать. Прибежал коняшка в оглобельной упряжке. Мужички мешки на телегу сгрузили, сами уселись и Пашутку пригласили.

Бойко бежит коняшка в оглобельной упряжке. Мужички-бурундучки орешки щелкают, Пашутке в карманы и в шапку насыпают. Подставил Пашутка свой туесок.

— И вы, мужички, угощайтесь, не стесняйтесь.

До деревни доехали, спрыгнул Пашутка с телеги. А Карий Пашутку за рукав тербит:

— Ты обронил поясок?

Вот Пашутка удивился!

— Золотой поясок, ты как здесь очутился? Я ведь тебя в ельнике оставил. Ты в траве лежал...

Отвечает поясок:

— А я следом бежал. По кочкам тряским, по болотам вязким, по сыпучим пескам. Нельзя быть туюску без золотого пояска.

Прибежал Пашутка домой и сразу к поленнице:

— Дед Полешко, я за брусникой ходил. Приладь золотой поясок там, где был.

Опоясал дед Полешко туюсок. А брусники в туюске как раз по поясок. Взялась кошка Василиса мышей из щелей выгонять. Стали мыши Анфису просить-умолять:

— Мы и сами уйдем. Дай нам собраться. Запри Василису в сундук.

Бабка Анфиса закрыла в сундук Василису. Мыши мигом собрались. Дала им бабка Анфиса пятак, чтобы они на новом месте жили богато, до дверей проводила и двери за ними закрыла.

Кошка Василиса вышла из сундука, уши торчком поставила:

— Это кто там за шкафом скребется?

— Это я, Прокопьевна.

— А что это ты там, Прокопьевна, делаешь?

— Анфисин наперсток ищу.

Нахмурилась Василиса.

— Находи и быстрее уходи.

Никто не скребется теперь. Но что-то за шкафом гремит.

— Это кто там за шкафом гремит?

— Это я, Прокопьевна. Наперсток нашла и катаю-играю.

— Хватит играть, хватит катать. Выходи из-за шкафа.

Вышла мышка Прокопьевна — платочек в горошек, очки с одним стеклышком — на остром носу.

— Возьмите наперсток.

Обрадовалась бабка Анфиса:

— Я тебя не так, как мышей, — до дверей, я тебя и с крыльца провожу.

Вздыхнула мышка Прокопьевна, сняла с носа очки с одним стеклом, положила в узелок — и за порог. Бабка Анфиса ее проводила. Только Прокопьевна из дому, Пашутка на порог.

— Бабка Анфиса, где мой свисток?

Стала Анфиса свисток искать. Искала везде, и курятник отворяла, и с гнезд всех кур сгоняла. Искала, искала, пока не устала.

— Теперь ты, Василиса, ищи.

Василиса чердак перерыла, сеновал переверорошила. Нету Пашуткиного свистка.

— Ты, дед Полешко, свисток ищи.

Дед Полешко свисток искал — всю поленницу разобрал. И дом, и двор — все вверх дном. Ходит бабка Анфиса, бормочет:

Мышка, мышка, поиграй

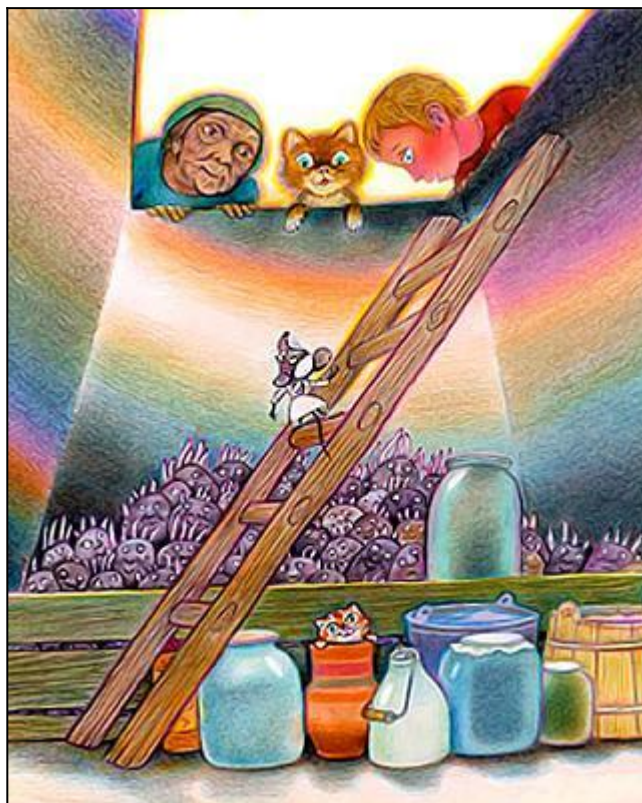
И обратно отдай.

Хмурится Василиса:

— Все мышки уже далеко.

— А я, мышка Прокопьевна, тут!

Вбежала Прокопьевна, узелок развязала, очки с одним стеклышком достала. Поискала за печкой,

порылась под крылечком и нашла Пашуткин свисток. Обрадовался Пашутка.

— Мы тебя, Прокопьевна, и до ворот проводим.

Проводили Пашутка с Анфисой Прокопьевну, вернулись домой — Василиса сама не своя. Во все углы тычется, плачет, мяучит:

— Полосатый котенок пропал!

— Под Пашуткиной шапкой смотрела?

— Смотрела.

— А в сундуке? А в поддувале? А в сапоге?

Полосатого звали, искали, стращали — уши надрать обещали. Нет, не нашли Полосатого. Бабка Анфиса вздыхает:

— Надо Прокопьевну звать. Приходи, Прокопьевна, выручай, Прокопьевна.

— А что потерялось?

— Мой Полосатый пропал.

Прокопьевна свой узелок развязала, надела на нос очки с одним стеклышком. Залезла в погреб, бабку Анфису с Василисой зовет.

— Смотрите, вот он, ваш Полосатый.

Анфиса с Василисой в крынку с молоком заглянули и ахнули. Бабка Анфиса Полосатого вытряхнула. Кошка Василиса Полосатого вылизала.

— Да мы тебя, Прокопьевна, и за ворота проводим.

Долго провожали, руками махали. Только Прокопьевна за угол свернула, кинулся следом Пашутка, догоняет Пашутку бабка Анфиса. Впереди всех бежит Василиса.

— Ой, вернись, Прокопьевна!

— Не уходи, Прокопьевна!

— Живи у нас, Прокопьевна!- Страница 1 - Шесть котят у Василисы. Пять серых белолопых, а шестой — Полосатый. Пять смирных, послушных, а шестой — озорной. Бабка Анфиса Полосатого за уши трясет: за маятник цеплялся, ходики оборвал. Дед Полешко Полосатого за шиворот тащит: табак рассыпал, кисет разорвал. Мышка Прокопьевна на Полосатого с жалобой:

— Он меня, Прокопьевну, Укропьевной дразнит!

Взяла кошка Василиса полотенце, отхлестала своего Полосатого.

— Не цепляйся за маятник! Не дергай кисет! Не дразни Укропьевной нашу Прокопьевну!

Полосатый вырвался, на улицу выбежал, на крышу залез. На крыше труба, из трубы дым столбом, вскарабкался Полосатый по столбу и очутился на небе. Бежит по небу пушистое облако. Полосатый к нему:

— Давай играть!

Тронул пушистое облако лапой — из облака пух во все стороны. Увидела это грозовая туча, нахмурилась. Загремел гром, пошел дождь. А Полосатый и рад. За дождевые нитки цепляется, дергает. Весь дождик запутал, в клубок замотал. Дождик и перестал. Протянулась по небу пестрая радуга. Катается по ней Полосатый, кувыркается, точно на бабкином половике. Только недолго радуга в небе стояла, скоро растаяла. Негде кувыркаться. И облака сторонятся, боятся. Скучно стало на небе. Прибежал Полосатый туда, где дым, — к Анфисиной трубе. Слез вниз, молока напился и уснул до вечера.

Вечер настал, в двери — стучат.

— Открывайте, это мы, соседские коты. Дома ваш Полосатый?

— Дома. Где ему быть?

— Мы пришли его бить. Луны в небе нет. Нам, котам, без Луны не живется, по крышам не лазается

и не поется.

Вышел Полосатый:

— Я Луну не брал!

— И пушистое облако не ты растрепал? И дождь в клубок не ты смотал?

Кошка Василиса послушала, с гвоздя полотенце сняла. Бабка Анфиса прут принесла. Идет дед с ремнем. Коты рукава засучили.

— Мы так не уйдем!

Только Пашутке Полосатого жалко: надо Луну искать, надо мышку Прокопьевну звать.

— Помоги, Прокопьевна!

— Выручай, Прокопьевна!

А Прокопьевна из чулана: «Не буду помогать! Не стану искать! Он меня, Прокопьевну, Укропьевной зовет».

Искали Пашутка с Полосатым Луну. Искали, искали, пока не устали.

Соседские коты от двери не уходят.

Кошка Василиса полотенце не уносит.

Стоит дед Полешко с ремнем.

Ждет бабка Анфиса с прутом.

Помоги, Прокопьевна!

Выручи, Прокопьевна!

Мы искали в самоваре,

Мы искали в чайнике,

Мы искали в кадке,

Искали в умывальнике,

В поддувале и в трубе,

Нет Луны нигде.

В поддувале — зола,

В трубе — дым и сажа.

Помоги, Прокопьевна,

Отыскать пропажу.

Сжалилась мышка Прокопьевна, надела очки с одним стеклышком. Весь дом и весь двор обошла, а Луны не нашла. Прячет глаза:

— И на старуху бывает проруха.

А соседские коты от дверей не уходят...

Кошка Василиса полотенце не уносит...

Стоит бабка Анфиса с прутом...

Ждет дед Полешко с ремнем...

Вздыхнула Прокопьевна, ушла в свой чулан. Назад пришла с плошкой. В плошке огарок от старой Луны, закопченный, заплывший.

— Только и свету было в чулане, — жалеет огарок Прокопьевна. А сама трет огарок золой, чистит огарок песочком. Заблестел огарок от старой Луны ярче нового месяца.

Ушли коты домой не пустые — с Луной.

Ушел дед Полешко с ремнем.

Ушла бабка Анфиса с прутом.

Кошка Василиса полотенце повесила.

Опять Полосатому весело!

Побежал Полосатый к Прокопьевне в темный чулан.

— Мышка проковыляла на бой поджигла лампочку и не погасила ее, а погасила ее. Сделал дед Полешко для Пашутки санки. Санки новые, сосновые, полозья березовые. Ухватился за них Пашутка, обрадовался.

— погоди, — говорит дед Полешко, — я колокольцы подвешу.

Подвесил дед Полешко к санкам колокольцы. Не простые колокольцы, колокольцы-самозвонцы. Колокольцы звенят, чего Пашутка хочет, то и санкам велят.

— Везите меня, санки, до самой Теплой горки.

Зазвенели-запели бубенцы-самозвонцы:

Сосновые санки,

что вы стоите?

На Теплую горку

Пашутку везите!

Тронули с места сосновые санки, через всю деревню со звоном промчали. У Теплой горки встали.

Сосновые санки, что вы стоите?

В горку, как с горки, Пашутку везите!

Тронули с места сосновые санки — на Теплую горку одним духом взлетели. Ребятишки, что внизу были, еще до полгорки не добрались, а сосновые санки уже снова вниз летят.

Охота ребятам на них прокатиться. Обступили Пашутку.

— Вели бубенцам-самозвонцам, чтоб мы все, сколько есть, в твои санки уселись.

— Надо больно! — задрал Пашутка нос. — Я сейчас с Вороньей горы кататься поеду.

Ребята не верят.

— Далеко до Вороньей горы. За деревней, за лесом Воронья гора. Возле самой Луны.

— А мои санки до нее одним махом домчат. Да что до Вороньей горы! До самой Луны! Не верите? Я вам шапку с Луны привезу. Вон ту, что с краю чернеется.

Зазвенели-запели бубенцы-самозвонцы, и скрылись из виду сосновые санки. Через деревню, через лес пролетели. На Воронью гору одним духом взлетели. На Вороньей горе сосны стоят. На корявой сосне вороны сидят. Не знают вороны, что нужна Пашутке шапка та, что на Луне. Думают: нужно ему гнездо на корявой сосне. Налетели на Пашутку вороны. Черными крыльями машут, острыми клювами клюют. Сбили с санок, в сугроб повалили.

Вылез Пашутка из сугроба. Где сосновые санки? Искал-искал и не нашел. Задрал голову вверх — до Луны рукой подать. Лунная шапка совсем рядом чернеет. Полез в гору Пашутка, да быстро устал. Не привык в гору лазить.

Ребята уже беспокоиться стали, когда он наконец к Теплой горке спустился. Без санок, без шапки. И ту, что с Луны хотел снять, — не достал. И свою в сугробе потерял. Ох, и досталось Пашутке от бабки Анфисы. Спрятался Пашутка за поленницу — плачет. Вдруг из поленницы знакомый голос:

— Не плачь, Пашутка, будут тебе новые санки. Новые, сосновые, полозья березовые. Только без бубенцов.

Назавтра встал Пашутка чуть свет — новые санки готовы. Побежал Пашутка на Теплую горку.

Ох, высока ты, Теплая горка! Не зря тебя Теплой прозвали. Лезет Пашутка в гору, тянет новые санки. Жарко ему, будто в бане. Ну наконец-то добрался! Сел на сосновые санки и вниз покатился.

Запел в ушах ветер. Чудится Пашутке — бубенцы-самозвонцы звенят. Звенят-выговаривают:

Все равно я домчу до Вороньей горы!

Все равно я достану до самой Луны!

И санок с собой брать не стану,

А шапку с Луны достану!

Оглянулся Пашутка: не слышит ли кто? Нет никого. Только внизу, под горкой, у него во дворе дед

Полешко стоит, рукавицей машет. В огороде Анфиса грядки поливает, а Пашутка в траве-лебеде у забора играет. Жарко в огороде Пашутке, скучно. А одного его бабка на речку не пускает. Пашутка вздыхает: «Был бы я маленьким гусенком, отодвинул бы в заборе дощечку, в щель прошмыгнул и убежал на речку». Шепчет Пашутке трава-лебеда:

— Что же тут такого? Нужно только сказать гусяное слово. Повторяй вслед за мной, за травой-лебедей: «Слово шипучее, слово гусяное, словно шея у гуся, длинное-предлинное, был я Пашуткой, бабкиным внучонком, преврати меня в гусенка в белой рубашонке».

Повторил Пашутка все слово в слово и превратился в гусенка в белой рубашонке. Отодвинул в заборе дощечку, шмыгнул в щель — и на речку. По реке селезни плавают, важные, в жемчуга, в изумруды разряжены. А серые утки по берегу ходят, на коромыслах воду из озера носят. Бережно несут, ни капли не расплещут. У них в камышах сад, а в саду растет виноград.

Плавают гусенок в белой рубашонке, ныряет. Важные селезни его не обижают, камешками изумрудными, жемчугами забавляют.

Вдруг слышит Пашутка, шепчет ему с огорода трава-лебеда:

— Жарко мне, траве-лебеде. Сухо мне. Принеси мне в ведерке водицы напиться.

Думает гусенок в белой рубашонке: пойду попрошу у серых уток ведерко. Пришел. Серые утки Пашутку в сад приглашают, спелым виноградом угощают.

— Нравится тебе, гусенок, наш сад? Вкусен ли наш виноград?

Опять зовет Пашутку, шепчет трава-лебеда:

— Жарко мне, траве-лебеде. Сухо мне. Принеси хоть в клюве водицы напиться.

Набрал гусенок в клюв воды, тут задела его крылом стрекоза. Прытка, быстра стрекоза, будто коза.

— Давай, гусенок, в пятнашки поиграем. Только, чур, я, стрекоза, первая пятная.

Заигрался Пашутка со стрекозой. Поздно вечером вернулся домой.

Стоит у порога гусенком. Как теперь превратиться в мальчонку? Пошел в огород, туда, где трава-лебеда. Повяла от жары трава-лебеда, полегла.

— Трава-лебеда, а как из гусенка мне превратиться? Ты ведь мне не сказала.

Ничего трава-лебеда не ответила, будто и не слыхала.

Не пошел Пашутка гусенком в дом, до утра дрожал под лопухами. Встал чуть свет, нашел в огороде ведерко — и на речку. Легко было ведерко, когда был Пашутка мальчонкой. Ох и тяжело ведерко для маленького гусенка! Едва до огорода доковылял, но воду всю донес, не расплескал.

Стал гусенок траву-лебеду поливать. Солнышко встало, в воде веселая радуга заиграла. Поднялась трава-лебеда, прошептала:

— Радуга-дуга, дай дождя!

Поднялась радуга в небо. Расписным коромыслом над речкой повисла. На коромысле два полных ведра. Пролился из ведер проливень-дождь. В речку пролился, на траву-лебеду, на бабкины грядки.

В дождевую лужу Пашутка глядит: «Все в порядке! И не надо никакого слова! Не гусенок я больше — стал Пашуткой снова!»

А уж бабка Анфиса дождю рада! Ей огород поливать не надо.

Бабка Анфиса Пашутку простила, первой морковкой его угостила.- Страница 2 -_ Наступила зима. Вставила бабка Анфиса в окна зимние рамы.

Пришел из лесу старичок Моховой, настелил между рамами мох и остался во мху зимовать. Смотрит Пашутка: в окне старичишка ростом всего-то с кедровую шишку, волосы лохматые, лицо рябоватое, шапка из мха. А глаза из-под шапки как две болотные незабудки глядят. Тихо-неслышно

ходит он в моховых мягких валенках — полив
И разговаривает тихо — Пашутке не
разобрать. Скажет тихое слово — и
расцветут герани посреди зимы.
Закрасуются алыми шапками. Что за слово
такое? Вот бы узнать!

Бывало, выдует к вечеру печь, бабке
топить неохота. Она к Моховому. Он печь
по беленому боку погладит, что-то тихо ей
скажет. И в доме тепло.

Мороз за окошками ходит, оконные стекла
морозит, белого света в домах не видать.

Бабка Анфиса бежит к Моховому:

— Скажи свое тихое слово.

Моховой свое тихое слово шепнет — мороз на ту сторону улицы и перейдет. Сразу окошко оттаёт, засинеет в нем небо, покажется белая улица. Василиса на подоконник вспрыгнет, начнет умываться — гостей намывать. Гости увидят — их ждут. И придут. С новостями. С гостинцами.

Долго думал Пашутка: «Что за слово у Мохового?» Насмелился и спросил. Улыбнулись глаза — две болотные незабудки.

— Мое слово неслышное, тихое. Здесь его не разобрать. Приходи ко мне за стекло, там у меня тишина. Стукни три раза — я выйду, открою.

Стал Пашутка собираться к Моховому за словом. Умылся, причесался, только собрался — ребята в дом.

— Бери, Пашутка, коньки. Мы на речку идем.

Не стал Пашутка долго раздумывать. Ребята ведь постоят да уйдут, а Моховой весь день дома. Стукнул в окошко:

— Я во вторник приду.

Схватил коньки — и на речку.

Во вторник снова собрался, умылся, причесался. Вдруг белый заяц в окошко стучит. Вздыхает Пашутка:

— Я к Моховому за словом собрался!

Повздыхал и так рассудил: не каждый день зайцы в окошки стучат. А Моховой у нас каждую зиму зимует. И побежал за зайцем в лес.

В среду бабка Анфиса Пашутку за солью послала.

В четверг гости приехали с новостями, с гостинцами. Гостили три дня.

Так и неделя прошла. Вторая миновала — и зима к концу. Ушел Моховой. Тихо ушел в моховых мягких валенках.

Пашутка не стал горевать: «Придет снова зима — придет Моховой зимовать».

Зима пришла — не заставила ждать. А Мохового не видать.

Не стелет он между рамами мох, не готовится зимовать. Бабка Анфиса сама мох настелила — все равно дует из окон и герани засохли.

Гости в дом не идут. Не несут новостей и гостинцев. Да не по ним скучает Пашутка. Он скучает по Моховому. Целый день не выходит из дому. В замерзшее окошко заглядывает. Ничего не видать.

Открыл Пашутка окошко, ступил на мягкий мох и очутился в лесу. Белый тот лес, ледяной. Сосны и елки — белые. И резные высокие травы — белые.

— Моховой! Ау! Моховой!

Откликнулось эхо, осыпался иней с травы:

— Я тут...

Увидел Пашутка под сосной Мохового. Шапка из мха снегом засыпана, белая. И лицо побелело от холода.

— Моховой, я пришел, Моховой...

Стал Пашутка у Мохового с шапки снег стряхивать. На руки дышать, отогревать. Успел Моховой только слово сказать.

Тихое слово Пашутке шепнул и растаял. Исчез вместе с ним ледяной белый лес. И засинело в окошке небо. И заалели герани высокими пышными шапками. Сидит дед Полешко на чурбачке у поленицы. Другой чурбачок в руках держит. Подбежал Пашутка:

— Что будешь делать?

— Ушат для кислого теста.

— Ушат — это легко. Это и я могу сделать.

— Попробуй.

Натесал Полешко гладких выгнутых клепок. Надо их друг к дружке подогнать. Не хватает у Пашутки терпенья. Тяп да ляп. Подогнал кое-как. Стянул обручем. Пришли ребята, стали звать Пашутку на горку. Пашутка и вовсе заторопился. Одно

ухо к ушату приладил, где полагается. Другое чуть ли не к донышку.

Дед Полешко повертел Пашуткину работу в руках, ничего не сказал. Сказал только:

— Отнеси бабке Анфисе.

Бабка Анфиса руками всплеснула:

— Что за ушат такой?

— Для кислого теста, — хотел сказать Пашутка. Заторопился и крикнул: — Для тислого кеста!

Завела бабка тесто в ушате, накрыла теплым платком, на лавку поставила.

Назавтра проснулся утром Пашутка, вышел на кухню попить. Слышит: на лавке кто-то пыхтит.

— Кто тут? — испугался Пашутка.

— Это я — Тислое Кесто.

— А чего пыхтишь?

— Хочу с лавки спрыгнуть, да никак не могу.

— Давай помогу.

Спустил Пашутка ушат с лавки на пол.

Тислое Кесто ему глазом подмаргивает:

— Давай убежим!

— Давай, — согласился Пашутка. Оделся тихонько, чтобы бабка не слышала. Тислое Кесто бабкин платок завязало потуже — и за порог.

— Айда, — предлагает Пашутка, — на речку. Вчера лунки долбили. Будем рыбу ловить.

Пашутка торопится. Тислое Кесто едва за ним поспекает. С боку на бок переваливается, пыхтит, сопит. Шло, шло — остановилось.

— Ты чего? — обернулся Пашутка.

— Устало. Больно далеко твоя речка. Нету терпения идти... Давай коня запрягай.

Пришли они на конюшню. Вывел Пашутка во двор коняшку Пегашку, вынес сбрую, отдал Тислому Кесту. Стало Тислое Кесто коня запрягать. Заторопилось, в вожжах и постромках запуталось, на землю свалилось.

Лежит, подняться не может, на всю конюшню ругается. Кони из дверей конюшни выглядывают, над Тислым Кестом ржут. Поднял Пашутка ушат, поставил на ноги.

— Не хочу, — дуется Кесто, — не желаю коня запрягать. Пошли лучше пешком.

Идут они дальше по улице.

Едет свадьба навстречу. Разоухалось Тислое Кесто:

— Ох, коней остановите! Ох, подвезите!

Остановили коней. Село Тислое Кесто рядом с невестой, Пашутка рядом с женихом.

Шли на рыбалку, попали на свадьбу. Сидят за столом. Только Тислему Кесту никак не сидится. Пыжится Тислое Кесто: я да я. «Я до потолка достать могу, если пожелаю». Чем больше пыжится, тем выше поднимается. Хозяева беспокоиться стали: сейчас на стол, на гостей полезет, всю свадьбу испортит. Хозяйка догадалась и говорит:

— Что до потолка можешь достать — верю. А вот что до трубы — никак не поверю.

Тислое Кесто из ушата вон вылезло:

— Это я не могу достать до трубы? Я могу выше трубы!

Кинулось к печке, заслонку откинуло, через дымоход, по трубе и на крышу. Сидит на крыше. Пашутка с кособоким ушатом стоит. Рядом собака грызет кость от холодца.

— Прыгай! — Пашутка снизу кричит.

Тислое Кесто как плюхнется вниз! Прямо на собаку и угодило! Скорей-скорей в ушат впрыгнуло и дёру! Откуда и прыть взялась. Собака от лая захлебывается: нигде не видела, чтобы тесто в ушатах по дворам бегало. Гости из дому выскочили: шум, переполох. Собака заходится, лает, цепь обрывает. Оборвала, за Тислым Кестом по улице гонится.

Куда Тислему Кесту деваться? К Анфисе на двор! Перед собачьим носом калитку захлопнуло, скорей на крыльцо да на кухню.

Бабка Анфиса обрадовалась:

— Вот и тесто подоспело!

Начинила она Тислое Кесто грибами да капустой, морковью да творогом. Посадила на противень в печь. Тислему Кесту и тут не сидится. И здесь оно пыжится. С противня лезет:

— Что за жизнь — в печке сидеть! Не для меня это место — не для Тислого Кеста!

Пыжилось, пыжилось, так и не досидело, сколько положено. Недопеченными пирогами из печи повыскакивало. Расстроилась бабка Анфиса: никто сырые пироги есть не хочет.

Отнесла соседскому Шарику в будку. И тот нос воротит. Ничего из Тислого Кеста не вышло.

— А все ты виноват, — ругает бабка Пашутку... — Твой ушат кособокий.

Взял Пашутка ушат, пошел к деду Полешко. Долго мудрили, пока новый не сбили. Старался Пашутка, аккуратно клепку к клепке подгонял. Зато вышел ушат — загляденье. Не кособокий, не

кривобокий. И оба уха на месте.- Страница 3 -

Пашуткина мать далеко уезжала, оставила сыну Резной Гребешок. Гребешок утром рано Пашутку причешет, пригладит, будто ласковой рукой погладит. Вечером колыбельную песню споет:

Баю-баю-баюшки,
Храни подарок матушкин.
Береги Резной Гребешок,
Не ходи с Гребешком
За порог.

Забыл Пашутка утром, что ему пел Резной Гребешок. Вышел с Резным Гребешком за порог. Увидела его сорока-щеголиха, стала Пашутку приманивать:

Подойди ко мне, Пашутка,
Научу тебя летать —
До солнышка долетишь —
Подсолнушком угостишь.
Как на солнышке
Подсолнушки растут,
Паше семечек в карманы натрясут.

Пашутка к сороке близко подошел, схватила она Резной Гребешок и вмиг улетела. Ходит Пашутка, головы не поднимает, все под ноги смотрит — может, выронила сорока его Гребешок?

Искал — не нашел. Нет его ни под забором, ни за забором, ни в канаве, и на дороге нет. Нашел Пашутка только перья сорочьи. Пошел он там, где перья падали, и пришел к сорочьему дому.

Двери отворил — перед зеркалом сорока-щеголиха сидит, держит в цепких лапах Резной Гребешок и поет:

Резной Гребешок, спой-спляши,
Резной Гребешок, меня причеши.

Да и не как попало,
А чтоб краше павы стала.

Как пошел Гребешок петь-плясать! Как пошел сороку чесать!

Отпусти меня, сорока,
Не то будет тебе плохо.
Отпусти, щеголиха,
Не то будет тебе лихо!

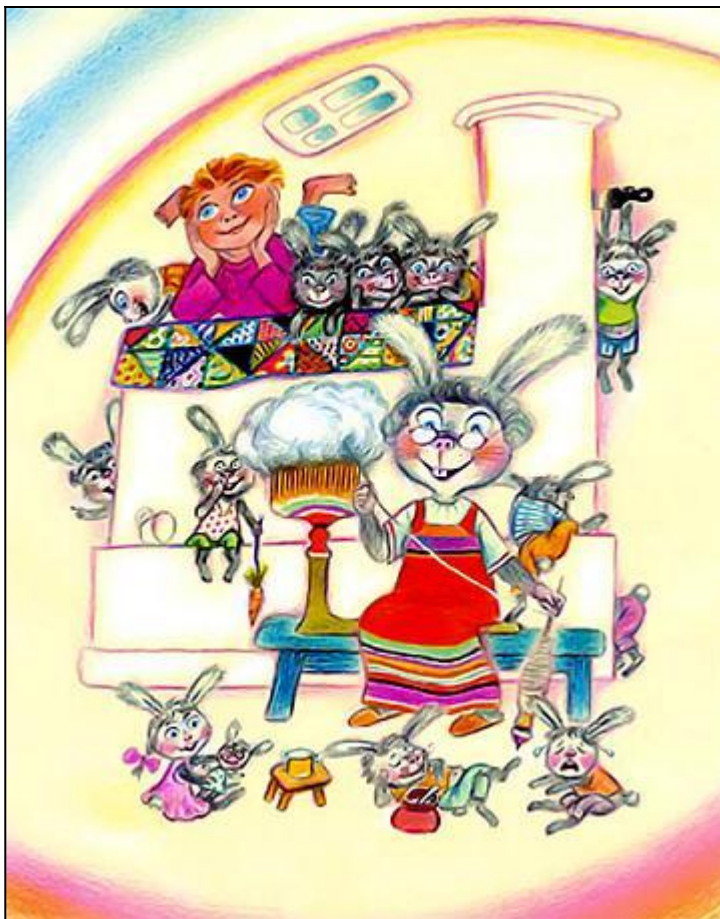
Гребешок поет, сорочьи перья дерет, только пух по сорочьему дому летает. Выпустила сорока Резной Гребешок, Пашутка его подхватил и бежать. А сорока следом. Да не одна. Всю сорочью стаю собирает, стрекочет, кричит, Пашутку пугает:

— Поймаем — Резной Гребешок отберем! А тебя зацеплем, заклеем!

Заслонил Пашутка руками глаза да к волку в дом и угодил. Волк обувався — от удивления сапог из лап выронил.

— Ой, спрячь меня, дяденька Волк, — просит волка Пашутка. — Гонятся следом сороки. Хотят Резной Гребешок отобрать. Меня заклевать, зацепать.

— Вот удивил, — рассмеялся волк. — Когда это волки были малым ребятам защитниками? Да я всех коз в лесу разогнал. Я всех зайцев распугал! Не добуду сегодня ничего на охоте — и тебя не помилию!

Обул волк сапоги, взял ружье, заглянул в пыльное зеркало.

— Ох, и худ я стал. Шерсть как на бездомной собаке скаталась. Дай-ка мне, что ли, твой Гребешок. Стал Гребешок волка причесывать. Водит по мосластой спине. Гладит по лобастой голове. Нагнул голову волк, глаза прячет, вздыхает:

— Так ласково меня только матушка гладила. Бери свой Гребешок. А сорок я сейчас распугаю.

Взял волк ружье — как пальнет! Разлетелась сорочья стая в разные стороны. Пашутка домой побежал. А сороки — хитрые. Стрельбу переждали, снова в стаю собрались — и вдогонку:

— Не ищи у волка защиты! Не ищи! Гребешок отберем, закроем и зашпьем!

Кинулся Пашутка с тропы в сторону и провалился в сугроб.

А в сугробе — заячий дом. Зайчиха у прялки сидит, куделю расчесывает.

— Ой, спрячь меня, тетя Зайчиха. По пятам сороки летят. Хотят заклевать, зашпять, Резной Гребешок отобрать.

— Лезь к зайчатам на печку.

Залез Пашутка к зайчатам на печку, смотрит: зайчиха гребнем куделю дерет, сердится.

— Возьмите, тетенька, мой Гребешок.

Чешет куделю Резной Гребешок, да так ловко — ниточки не запутает, не порвет. А куделя все больше становится и все белей. Смотрит Пашутка с печи — куделя на мелкие хлопья рассыпалась.

Разлетелись хлопья по лесу. От земли к небу, от неба — к земле. А зайчиха все прядет, колыбельную песню зайчатам поет:

Баю-баю-баюшки,

Вы усните, заюшки.

А зайчиха не спит,

Все у прялки сидит.

Время пряже куделю прясть,

Время белому снегу упасть.

Прялка жужжит, а в лесу пуржит!

Смешала пурга небо с землей. Сорокам и хвостов-то своих не разглядеть. Разлетелись они, по домам попрятались. А прялка поет, прялка кружится. И видит Пашутка с печи — узорье на прялке точь-в-точь, как у его матушки на сарафане. И не прялка перед ним кружится — матушкин сарафан на ветру раздувается.

Подошла матушка, сняла Пашутку с печи, взяла за руку — из метели, из лесу домой вывела. Спать уложила, на ночь причесала и колыбельную спела. Проснулся утром Пашутка — он дома. А рядом с подушкой Резной Гребешок. Перед весной стала бабка Анфиса болеть. Лежит на кровати, кашляет, пьет горькое лекарство из пузырька.

— Бабушка, — тревожится Пашутка, — ты когда поправишься?

— Вот появятся на старой раките барашки, встану, пойду на них посмотрю — сразу здоровая стану.

Каждый день бежит Пашутка на речку Шептунью, к старой раките, не появились ли барашки? Увидел, что хвостики из почек торчат, и к бабке Анфисе:

— Бабушка Анфиса! Уже хвостики торчат! Одевайся, пойдем на Шептунью! Посмотришь на барашков — здоровая станешь.

Невесело бабка Анфиса взглянула:

— Не дойти мне, Пашутка, до речки. Вот если бы мне мою молодость хотя на минутку, сразу бы стала здорова.

— А где твоя молодость, бабушка?

— Ушла на дно речки, стала колечком, — сказала так бабка и отвернулась к стенке.

Побежал Пашутка на речку Шептунью. Засыпана снегом Шептунья, покрыта толстым льдом. Никого нет кругом. Стоит Пашутка на мосту под старой ракитой. Видит: барашек из почки выглядывает. Белый, точно голубь. А копытца — красные. Позвал его Пашутка:

Белая шубка,
Красные копытца,
Ракитовый барашек,
Выпрыгни из почки,
Пробеги, простучи
По мосточку.

Выпрыгнул барашек из почки. Пробежал, простучал по мосточку и спрыгнул на лед. Опять Пашутка просит:

Ракитовый барашек,
Белый, словно голубь,
Ударь об лед копытцем,
Пробей во льду прорубь!

Ударил барашек копытцем об лед и пробил во льду прорубь. Вода в проруби чистая, словно слеза. Каждый камешек видно. Много их, камешков, круглых, белых. Один камень серый, большой. А колечка на дне не видать. Все бы камешки Пашутка на дне перебрал, если б только до дна достал.

Просит он барашка:

Ракитовый барашек,
Красные копытца,
Выпей, барашек,
Из проруби водицу.

Нагнулся барашек к полынье и выпил из нее воду. Стал Пашутка белые камешки поднимать, под ними колечко искать. Стынут Пашуткины пальцы, а камешков не сосчитать. Все их, до самого мелкого, перебрал Пашутка. А колечка не видать. Остался теперь один камень — серый, большой.

Уперся Пашутка в серый камень руками, толкает — с места его сдвинуть не может. Опять зовет барашка. Уперлись в серый камень: Пашутка — руками, барашек — копытцами. Толкали, толкали — столкнули камень с места! Под камнем — мокрый песок, а в песок колечко впечатано. Тоненькое, с бирюзовым маленьким камешком. Спрятал его Пашутка за пазуху и побежал домой.

— Бабушка Анфиса! Я нашел твою молодость!

Бабушка Анфиса верит и не верит. Держит колечко из-под камня, со дна речки, и глаза у нее ярче, чем бирюза в колечке, сияют. Поправилась Анфиса, не охает больше, только тихонько вздыхает. Даже на мизинец колечко ей не налезает.

— Пойдем, — говорит Пашутка, — пойдем на речку, попросим барашка, чтобы впору стало колечко.

Надела бабка Анфиса валенки, и пошли они на речку Шептунью. Встали на мостик под старой ракитой, зовет Пашутка барашка:

Красные копытца,
Белая шубка.
Ракитовый барашек,
Отзовись Пашутке!

Забарашкавал дозволити барашкетозало. Страница

Тихо-тихо на кухне. Вдруг Тайка услышала шорох. Из-за печки вышел серенький мышонок.

— Ты зачем пришел?

— За лоскутами.

Назвала Тайка мышонка Сухариком. Нашла лоскуты от старой бабушкиной шали. Лоскут алый, лоскут желтый, лоскут черный. Сшил из них мышонок половик и зажил своим домом. Сухарей засушил, опять вышел из-за печки.

— Что тебе, Сухарик?

— Приходи ко мне вечером в гости.

Тут шмель залетел в окошко:

— Не ходи. Что хорошего у мышонка? Одни сухари да черствые корки. Не больно налакомишься. Вот у меня, у шмеля, дом из чистого сахара...

Ждал, ждал мышонок Тайку. Не дождался, погрыз черных сухариков, Тайке оставил белые. А Тайка уже далеко, в поле клеверном. Посреди поля — дом из белых кирпичей. Тайка лизнула — сладко. Не обманул ее шмель. Вместо стекол — леденцы разноцветные вставлены. Расписные пряники — наличники и ставни.

Расхвастался шмель:

— Я ем только сахар, варенье и мед!

Тут дождь проливной как польет! Сверкнула молния, ударил гром. И, как не был, — растаял сахарный дом.

— Где ты, шмель?

— На дереве я, нашел сухую щель.

— А мне где спрятаться?

— Вот уж не знаю.

А дождь как из ведра поливает. Ой, как сыро, как неуютно! Вдруг — половичок знакомый, лоскутный, из старой бабушкиной шали. Накрылась им Тайка. Тепло сразу стало! Это Сухарик принес. Укрылась рядом с ней голубая стрекоза. Стала в гости звать.

— Нет, сегодня нельзя. Я в гости иду к мышонку Сухарику.

— К этому серому? К этому маленькому? Где у тебя глаза?

Дождь перестал. Летит впереди стрекоза. Спешит за ней Тайка. Поле прошла, луг и лес пробежала. Вот и речка. Кружат над рекой стрекозы. Резвятся — играют в догонялки. Улетела к ним стрекоза и забыла про Тайку. Бредет Тайка домой. Идти далеко. Сбила ноги, хромает. Вдруг половичок ей под ноги — лоскут алый, лоскут желтый, лоскут черный. Ступила Тайка на него — не хромает больше, не больно ноги. И побежала легко тропой знакомой. Ночь наступила. Встала Луна. Запел соловей. Как чудесно он пел!

— Ты где, соловей? Я не вижу тебя.

— Я на Луне.

Пошла Тайка по дорожке из лунного серебра. К соловьиному дому пришла. Всю ночь она слушала, как пел соловей. Утро настало — соловей улетел. Весь день ждала его Тайка у окошка. Вечер пришел, закрыло Луну облаками. И не стало лунной дорожки. Как домой дорогу найти?

Луна светит мутно. Далеко-далеко внизу — половичок лоскутный, длинный. Каких только нет в нем лоскутков — тут и синий, и малиновый, и зеленый. Протянулся он через луг, через лес, через поле.

На воду лег, протянулся по небу темному. Ступила Тайка на него. Привел половичок прямо к дому. Мышонок Сухарик Тайку встречает. За печку отвел, налил Тайке чаю.

— А где же твой половичок?

Мышонок молчок.

— Тот, из бабушкиной шали, маленький?

— Он домой тебя привел, ты его не узнала?

— Это другой. Длинный. И лоскутов у тебя таких не было.

— Был маленький — стал длинный. Ведь он шел со мной за тобой следом. Лоскут зеленый — это лес. Луг с цветами — малиновый. Клеверное поле, где дом шмелиный, — лоскут розовый. Синий — речка со стрекозами.

— А темный такой, в белую крапинку?

Мышонок вздохнул:

— Это белые сухарики. Я копил их для тебя долго. А когда по небу бежал, раскрошил — запоминал дорогу. Всего один остался — черный. Он долго тебя ждал.

Пополам разделила Тайка черный сухарик. Как на улице Ямской конский топот день-деньской. Булатные, каурые, пегие — сани тащат, везут телеги. И есть лошадка золотой масти. Ее не впрягают в телегу, на нее не грузят мешков, бочек, ящиков. У нее работа другая — она приносит счастье.

Золотая лошадка бежала по городу и там, где давно счастья ждали, оставляла подкову. Соседки по конюшне на лошадку косились:

— Жизнь у нее больно сладкая. Знай себе дари подковы. Все равно ведь завтра на Кузнецкой ей скуют новые. И за это ей дают сено и овес! Ее бы, золотую, да в наш тяжелый воз!

...Ковал на Кузнецкой подковы кузнец, приговаривал:

— На счастье подкова, на счастье...

Во что только хочешь такая подкова могла превращаться.

Под окном, где, как снег, белеют герани, ударила золотая лошадка копытом — подкову оставила. Девушка звон услышала, вышла из дому. Стала искать свое счастье-подкову. Где же подкова? Девушка смотрит печально. Видит: в траве колечко блестит обручальное.

Под окном, где свет горел ночью тускло, тревожно, неслышно лошадка прошла, осторожно. И вот уснула усталая мать. А проснулась — сын весел, играет подковой.

У дома, где лодку смолили, обернулась подкова невиданной рыбиной. Вот счастье для рыбака!

А четвертая подкова стала светлым деньком без обид и хворей — счастьем для старика.

Бежит домой лошадка золотой масти. Бежит весело, легко. Ведь она приносит счастье. И никто не знает, как лошадке больно. Очень больно по камням бежать неподкованной. Наклонила лошадка золотую голову, и никто не видит, как она плачет. Если бы булыжники видеть могли, они бы, наверно, стали немного помягче.

Но среди слепых булыжников жестких прятался камешек-галька с протоки. Покатился-покатился круглый камешек-галька. Прикатился на Проточную, постучал в дом к Тайке. Про лошадку рассказал камешек глазастый. Пришло время, к дому Тайки завернуло счастье. На крыльце блестит, сверкает новая подкова. Что хочешь делай из нее, все, что душе угодно. Тайка вздохнула, завернула подкову в тряпицу, на Ямскую пришла.

Золотая лошадка ела сено из торбы.

— Это твоя подкова? Она тебе пригодится. Тебе не будет так больно.

И подкову оставила.

Расцвело сено в торбе луговыми цветами — незабудками, клевером, гвоздиками алыми. Каждый раз, как Тайка к лошадке приходит, эти цветы расцветают.

— Пойдем, — говорит лошадка, — я тебя покатаю.

Несет она Тайку шагом упругим, и мостовая под ней становится лугом. Не булыжники теперь под ногами — цветы и трава луговая. Скачет Тайка на лошадке золотой, как солнце, масти. Вот такое Тайке привалило счастье! Кошка-копилка денег накопила, на Проточной улице дом себе купила. Идет по Проточной Кошка-копилка, бренчит. Троячки в ней звякают, двушки, пяточки. Глядит Кошка: на небе Месяц. Ярко светит, золотом блестит.

— Вот бы мои денежки так позолотить!

Стала копилка уговаривать месяц:

Месяц, Месяц —

Красная шапка,

Поясок крученный,

Сапожок золоченый.

Ты ярко светишь,

Золотом блистишь.

Мои медные денежки

Позолоти!

Молодому Месяцу слушать лестно. Спустился низко молодой Месяц. Бросила ему пяточок Кошка-копилка. Потер его Месяц об сапожок, позолотил. Увидели это мальчишки, сгрести пятаки, на улицу выбежали. Бросают Месяцу пятаки:

— И наши позолоти!

Позолотила пятак и Тайка. Прибежала за печку к мышонку Сухарику.

— Есть у тебя пятак?

— Есть один.

— Пойдем, мы его позолотим.

Золотые пятаки сыплет Месяц вниз. Все кричат Сухарику:

— Ну что же ты стоишь? Почему не бросаешь денежку?

— А вдруг Месяц за ней нагнется и на небе не удержится...

И ушел мышонок Сухарик домой. А Кошка-копилка фыркает, злится:

— Изведет всю позолоту Месяц на мальчишек. Заманю-ка я Месяц на свою крышу. Поставила на трубу миску со сметаной.

— Приходи ко мне в гости, пригожий, румяный!

Месяц спустился к Кошке на крышу. Все медяки перед ним Кошка высыпала: троячки, двушки, пятаки. Месяц старается, золотит. Да уж больно много медяков у кошки. Стер Месяц всю позолоту с сапожек.

— Золотить больше нечем...

Копилка шерсть дыбом.

— Угощу ж я тебя, глупый Месяц!

Сунула лапу в трубу, нагребла сажу. С головы и до пят Месяц измазала.

Месяц чумазый,

Шапка в саже,

Нос тоже —

Одет в рогожу.

Дразнит, язык кажет, а Месяц не видит: глаза запорошены сажей. Пошел он по крыше, об трубу ударился, вскочила шишка.

— Ой, больно шишку! Бедный я, бедный...

Кричит ему Тайка:

— Шишку надо потереть пятак медным!

Месяц просит:

— Кошка-копилка, дай пятака!

Копилка деньги сгребла.

— Как бы не так!

Охает Месяц:

— Ох, больно...

Стали мальчишки по карманам искать: у всех одно золото. Пошли по домам. А на улице темнота. Стыдно Месяцу показаться, он и спрятался за трубу, вымазан в саже и шишка на лбу. Бредут по Проточной мальчишки: то на забор налетят, то об поленницу стукнутся. Бум! Бум! Бум! Набили шишек мальчишки, ругают темноту. На улице темнота, во дворах темнота. Ни в одном доме не осталось медного пятака. Все пятаки позолочены. А шишки болят, нету мочи! Золотыми пятаками шишки трут — не помогает. Тут вспомнила Тайка про мышонка Сухарика. Вызвала его из-за печки.

— Ты нам, Сухарик, шишки полечишь? Вынес мышонок свой медный пятак, трет им шишки, шепчет:

— Чтоб не болело, чтоб не ломило... Чтоб неповадно жадничать было...

Все как одна шишки пропали.

— А теперь пойдём лечить Месяц, Сухарик!

Поставили к кошкиной крыше лестницу, забрался на крышу Сухарик, стал лечить Месяц. Трет пятак, водит по лбу то одной стороной, то другой. Пощупал лоб Месяц.

— Шишку как рукой сняло!

Умылся Месяц снегом с крыши, сажу смыл, чистым на небо вышел. Стало светло на Проточной от белого снега, от чистого Месяца. Кошка-копилка по крыше мечется.

— Деться куда? Вся на виду... Отберут золотые мои медяки, отберут.

Запнулась и с крыши — кувырк! Об поленницу стукнулась, остались от кошки одни черепки.

Собрала их Тайка, кое-как склеила. Кошка-копилка спасибо не сказала. Пересчитала деньги и скорей домой. С тех пор копилка из дому ни ногой. Целый день в окошко глядит с подоконника.

Боишься — рассыплется, растеряет медяки. А Месяц с тех пор пятак не золотит. - Страница 5 -

Пришел из рожи на протоку Евсейка, серый заяц. Ведро в прорубь опустил, воду набирает.

Сбежались собаки со всей Проточной, окружили Евсейку:

— Разорвем тебя в клочья!

Услыхала лай, выбежала Тайка, распахнула калитку:

— Беги сюда!

Евсейка — заяц прыткий, швырнул собакам ведро, а сам к Тайке в дом. Собаки под окнами лают, ведром гремят. Дрожит Евсейка.

— Чего ты боишься?

— Боюсь за зайчат. Найдут собаки по следу березовую рощу, отыщут зайчат в моей сторожке.

Надела Тайка шубейку, валенки надела. На улицу вышла, заскрипели валенки по снегу:

Скрипы-скрип-скрипалики...

Мы старенькие валенки.

Старенькие, латаные —

На пятках — заплатки.

Снег, снег белый,

Упади с неба,

Засыпь, снег, дорожку

в зайкину сторожку.

Упал снег белый на землю с неба, засыпал дорожку в зайкину сторожку. А Евсейка все вздыхает:

— Ой, горе! Ой, лихо! Заждались меня дома зайчата с зайчихой. Как домой побегу по новому снегу?

Догонят собаки по свежему следу.

Тайка валенки сняла:

— Ты не унывай. Тебе в пору мои валенки? Вот и надевай.

Обулся Евсейка:

— Собью собак с толку. И лису обману, и самого волка.

Убежал он в рощу, в свою сторожку.

Утром вышла Тайка открывать окошки, а без валенок нельзя, снег глубокий в палисаднике. И вдруг слышит за углом: скрипы-скрип-скрипалики... Идут домой, торопятся серенькие валенки. Рада им Тайка, старым да латаным. С горы катается, снег гребет лопатой. На крыльце их обмела, на ночь к печке поставила. Утром проснулась — валенок нет на скамейке. Опять убежали к зайцу Евсейке. Он в них по воду ходит и просто так, и не боится волков и собак.

Так старые валенки всю зиму и жили. С утра и до вечера — Тайке, а ночью Евсейке служили.

Встретит Тайка валенки утром на крыльце:

— Шли ночью по морозу, а теплые, как с печки! Не выстуживаются, не вынашиваются, к Евсейке в рощу убегают и не спрашиваются. Все теплее, все теплее старенькие валенки. Там, где ступят, — на земле темные проталинки. Напились из них воды петухи да курицы. Нету снега, нету снега на Проточной улице!

— Рано как весна пришла! — люди дивятся.

Серые валенки в чулане пылятся, новой зимы ждут. Рад Евсейка-заяц, можно ходить босым. Волк, собаки и лиса — все остались с носом! Пришли к Деду Морозу ночью цыгане, коней увели, сани украли и даже игрушки из мешка прихватили. Горюет Дед над пустым мешком:

— Коней нет — не беда, пошел бы пешком. Да зачем я нужен ребятам без игрушек?

Ждут на Проточной Деда Мороза. Слушают вечером: не скрипят ли полозья, не едут ли сани. Не дождалось. Уговорились: пойдём за Дедом сами. А куда идти — того никто не знает. Судили, рядили, гадали и разошлись по домам.

Тайка решила: пойду одна. И пошла наугад. Сначала бежала вприпрыжку, потом пинала ледышку. Не до ледышки скоро стало. Далеко ушла от дома, устала. Все ниже дома, на улицах тише, на окраину вышла. Стемнело уже, огоньки мигают. Бредет, дороги не разбирая. А снег кругом — непролазный. Залезла в сугроб и увязла.

— Не найти, видно, Деда Мороза.

Надо домой идти быстро.

Вдруг в темноте — синие искры. Вдруг — тук да тук перестук. Видит — трамвай. Откуда он тут?

Снег на трамвайной крыше лежит сугробом пухлым, а под крышей в завитках причудливые буквы: «Сарафановка — Рынок». Прочитала Тайка и рот открыла: «Разве есть такой на свете?» И трамвай прозвенел:

— Не всякий меня встретит. В Сарафановский лес отвезет «Сарафановка — Рынок». Там кипрей и лисохвост аж до сосен вымахали. Из травы чертополоха черти варят кашу. А в болоте комары камаринского пляшут! Там в летние лунные ночи в Сарафановке-речке русалки свои сарафаны полощут.

— А где живет Дед Мороз ты, трамвай, не знаешь?

— Как не знать. На улице Зимней. Садись, подвезу.

Тайка села, и покатило. Сарафановку по мосту переехали — вот и улица Зимняя, сугробы до крыш, березы в инее. Где сугробы всех выше, всех выше береза, ворота всех шире — тот дом Деда Мороза. Тайка постучала, Дед вышел в сени.

— Я, дедушка, за тобой. Поедем.

— Эх, дочка, зачем я вам нужен такой? Погляди-ка в мешок, он пустой. Был доверху полон, а

теперь-то пусто. Накрываю я им кадушку с капустой. И коней у меня цыгане украли.

— Собирайся, дедушка, поедem на трамвае. Нам без тебя и праздник не в праздник.

Кряхтит Дед Мороз, в трамвай залезает. Едут. Тайка в окошко глядит — не видно ни зги. Сарафановский лес вдруг стал стеной. Меж сосен — цыганские костры. А у костров не цыгане. У костров — игрушки. Солдатики, куклы, мишки плюшевые. Увидали Деда Мороза. Куклы — в слезы:

— Нас цыганки таскали за косы. В лохмотьях водили. Мы жизни не рады!

— Полезайте скорее в мешок — опять будете нарядными.

Плюшевые мишки глядят исподлобья:

— Мы били в бубны. Нас плеткой хлестали больно.

— Идите скорее ко мне. Снова станете добрыми.

У солдатиков вид унылый:

— Мы запачкали свои мундиры. Нас цыгане костры разжигать заставляли, сапоги им чистить. Мы все в ваксе и саже. Как такими людям покажемся?

— Ничего. Полезайте в мешок. Снова станете чистыми.

Залезли игрушки в мешок. Трамвай помчался в город. Тайка слышит — топот! Тайка видит — погоня. Заплясали впереди цыганские черные кони. У цыган — медвежьи шубы, на них шапки лисьи... Дед Мороз нахмурился. Вышел — да как свистнет! Снег посыпался с сосен. Сорвало шапки лисьи. В лес они метнулись рыжими лисицами. Медвежатами за ними — медвежьи рукавицы. Встали кони на дыбы. Цыган взяла оторопь.

— Хватит, дедушка, брось, — Тайка просит.

Как ударит Дед Мороз палкой оземь!

— Ты мне, Тайка, не перечь!

Шубы у цыган соскочили с плеч и вперевалку в лес медведями. Зуб на зуб у цыган не попадает, повернули они коней — и в табор, что в конях силы было.

...Всю ночь колесил «Сарафановка — Рынок». По Подгорной и Горной, Набережной и Напольной. Дед Мороз стучал в ставни палкой, доставал из мешка и дарил подарки. Тем, кто спал, прятал под подушки. Под утро осталась в мешке лишь скорлупа от орех.

Дед Мороз спохватился:

— Ни одной игрушки. Как на грех! Что же я подарю Тайке? Ведь осталась она у меня без подарка.

Стал рыться в мешке — яркое что-то заметил. Мешок вытряхнул — вылетел разноцветный билетик.

Трамвай прозвенел:

— Это тебе. Тайка. Достань билет, когда прокатиться захочешь. «Сарафановка — Рынок» сразу приедет: и утром, и днем, и среди ночи.

Взяла Тайка билет, спрятала в варежку. Трамвай прозвенел:

— А куда ты сейчас поехать желаешь?

Тайка сладко зевнула:

— Домой хочу, спать.

Отвезли Деда Мороза домой, и поехал трамвай на Проточную.

Выпучили глаза кошки на окошках. Воробьи позабыли клевать свои крошки. Рты поразевали зеваки. Извелись в подворотнях от лая собаки. Никогда не видали на Проточной трамвая. Да ведь в Новый год чего не бывает! Сорок дворов на Проточной, в каждом дворе дворняжка. Есть хозяин у каждой дворняги. А у Заплатки хозяина нет, у бедняги. Бросил камень мальчишка Никишка:

— Заплатка, принеси!

Заплатка кинулся за камнем, а Никишка в него другим запустил. Завизжал Заплатка. Забился в сарай. Зовет его Тайка:

— Заплатка, вылезай!

Не отзывается Заплатка. Ругает Никишку бабка:

— Что ты натворил? Зачем собаку обидел? Вот придет Собачий Мороз — белого свету не взвидим!

Только сказала про Собачий Мороз, как на

мосту показался обоз. Лошади затопали, заскрипели сани, возчики верхонками захлопали, защелкали кнутами. Бегут за обозом мальчишки, пыхтит сзади всех Никишка.

У первого возчика тулуп в опилках.

— Что везешь, возчик?

— Дрова с лесопилки, березовые чурки, сосновые кругляши.

— К нам сворачивай, возчик!

А возчик сворачивать не спешит:

— Там у вас не Никишка ли сзади?

— Он самый, точно.

Дернул возчик вожжи и свернул с Проточной. Второй возчик сидит на мешке, тулуп у него весь в муке.

— Что везешь, возчик?

— Горячие калачи.

— К нам поворачивай, пока горячи.

— К вам не поеду, у вас здесь Заплатку обидели.

Махнул возчик кнутом, только его и видели. У третьего возчика тулуп покрыт куржаком, рукавицы собачьи за кушаком.

— Возчик, возчик, что привез?

— Узнаете скоро. Я Собачий Мороз.

Разъезжает Собачий Мороз по Проточной. Не спит, не дремлет ни днем ни ночью. Хлопнет Собачий Мороз в рукавицы — на лету замерзают воробьи и синицы. Проскрипит под окном сапогами — хлеб на столе превращается в камень. Коня полоснет кнутом — погаснет печь, войдет стужа в дом. Сидит Никишка дома, страшно ему, жутко: не спастись от стужи и под полушубком. Каменной горбушки не угрызть зубами. То плачет Никишкина бабка, то Никишку ругает. Поплелся он из дому. Пусто на улице, все вымерло. Одна Тайка ходит и что-то поднимает.

— Ты что, Тайка, делаешь?

— Собираю камни.

— Для чего тебе они?

— Чтоб в Заплатку не кидали.

Камни в землю вмерзли. Отогревает их Тайка руками, не заметила, как варежки потеряла. Руки замерзли, стали как ледышки.

— Не стой, камни таскай, — говорит Тайка Никишке. — Унеси их отсюда, чтобы на глаза никому не попали.

— Куда я их дену?

— Свали в сарае.

Пришла Никишкина бабка в сарай за дровами. В темноте наткнулась на какую-то грудку. Всплеснула руками бабка:

— И как я забыла про уголь!

Не увидела сослепу, что это камни, бросила в печку. Как вспыхнут камни пламенем! Загудело в

печи так, что любо-дорого. Радуетя бабка:

— Вот это уголь!

Ходит Собачий Мороз под окном, щелкает кнутом, скрипит сапогами. Трещит, гудит печка, не гаснет в ней пламя. Час, другой проходит — не прогорает печка. Жалуется бабка: дышать в доме нечем. Растворила настежь дверь — с крыши закапала капель. Потянуло снегом талым.

Высыпал на улицу и старый и малый. А Собачий Мороз тепла не снес, спасается бегством, хлещет коня, а конь ни с места. Словно застыл. Из саней вывалился Собачий Мороз, по улице затрусил. Споткнулся, упал, потерял шапку. Заругался по-собачьи и превратился в шавку. Повеыскакивали из подворотен дворовые псы:

— А ну-ка, злая шавка, ноги уноси!

Как шавку прогнали, так весь снег и растаял. Рады все, не рада только Тайка. Не все собрала она камни. Вон сколько их: и большие, и маленькие, и корявые, и гладенькие. Все камни не соберешь. А вдруг снова придет Собачий Мороз? - Страница 6 - Приехала Тайка в трамвае на рынок — конфетутянучку купить да попить газировки с сиропом. Видит: старушка торгует укропом.

— Укроп! Кому укроп? За гривенник отдам весь сноп. Пучок — за пяточок! Дешевле репы пареной! Хвалит бабка укроп, да никто его не покупает. А солнце палит, душно, жарко. Вянет укроп, приуныла бабка: не глядит никто на товар, все проходят мимо. Тайка вздохнула, достала свой пяточок, у бабки укропу купила.

Да только что делать с этим укропом? Нет от него никакого проку. И дома зарос им весь огород. Идет Тайка, венок из укропа плетет. Красивый вышел венок, похож на корону. В кресле кондукторском Тайка — будто на троне. Остановки объявляет: «Каланча! Поворот! Дом со львами!» Стучит «Сарафановка — Рынок» по рельсам: тук-тук-тук, так-так-так...

— Склад дровяной! Конный двор!

Остановка конечная — «Сарафановский луг!» Приехали! Трамвай сделал медленный круг и превратился в карету. Помчали карету быстрые лошади, по мосту сарафановскому звонко процокали, пустились в галоп, через лес проскакали и влетели в укроп.

Укроп высокий, укроп дремучий! Деревья укропные подпирают тучи, под ними дома из укропных бревен. Карета подъехала к высоким хоромам. Навстречу — укропные жители. Под зонтами все:

— Добро пожаловать, принцесса, в наш укропный лес! У нас к тебе жалоба.

— Какая?

— Погода нас обижает. Каждый день дождь, каждый день мокнем. Мы бы терпели, да сено гниет в копнах. Чем кормить коров-то? И огороды залило: ни картошки тебе, ни малины. Один мокрец ползучий.

Вдруг как хлынет ливень! С ясного неба — не из тучи.

— Беги, принцесса, скорее в хоромы!

Прятаться Тайка не стала. Задрала вверх голову. Над верхушками деревьев укропных дом увидала: герани на окнах. На крыше бабка стоит, та самая, с базара, поливает из лейки, под лейкою радуга встала. Вылила лейку, слезла вниз, загрохотала лейка об бочку. Наутек укропные жители:

— Гром-то как грохочет! Прячься, принцесса!

Тайка хохочет, вверх лезет по лестнице. Залезла на крышу.

— Дай мне, бабушка, лейку. Не надо поливать, отдохни маленько.

День, второй — нет дождя. Третий день ясно. Нету житья в укропном этом царстве!

— Жарко нам, душно, — расквакались лягушки.

Побрызгала Тайка из лейки над укропным болотом. Белки пришли:

— Без грибного дождика не вырастут волнушки...

Поливает Тайка лесные опушки. Стороной обходит пасеки и покосы. Пришли к ней зайцы, просят: — Нам бы дождя на капусту. Чтобы выросла белая, сладкая, хрустящая.

Так она и ходит с лейкой целый день. То польет, то сбрызнет, то зачерпнет до половины, то полную.

А укропные жители рады: полны ульи меду, корзины трещат от грибов и ягод, укропное сено по второму разу косят.

Но вот пожелтела на Тайке корона — пришла осень. Явились укропные жители: — Принцесса, получай свое жалованье.

На бархатной подушке принесли монету: — Пожалуйте.

Не видела Тайка такой монеты: на ней выбита только укропная ветка и написано «Тайке». Взяла Тайка жалованье, поклонилась. Тут подъехал трамвай «Сарафановка — Рынок».

— Вот твоя карета!

Укропные жители замахали платками. Тайка села. Поехали! Сарафановский лес, сарафановский мост одним духом промчали. Трамвай встал на рельсы, колеса застучали. За заборами длинными пожелтели березки, покраснелись рябины. Дразнят клен синицы: — Рыжий! Рыжий!

Дома будто присели — стали ниже. И только по-прежнему гордится каланча: — Со мной ничего не случится. Я из кирпича.

Трамвай прозвенел: — Рынок! Приехали!

Торгуют брусникой, торгуют орехами, клюквой, груздями, яблоками-ранетками.

Тайка достала свою монетку. Но только ей не надо ни грибов, ни ягод. Вот наконец-то китаец с тянучками-конфетами. Тайка протянула свою монету. Попробовал старый китаец монету на зуб, выбрал для Тайки конфету одну.

Ах, как вкусна тянучка молочная! Глядит на Тайкину тянучку вся улица Проточная! С окошек — кошки, из подворотен — жучки да полканы, глазают мальчишки, завидуют девчонки. И беззубые бабушки с лавочек на конфету зарятся. А тянучка тянется... Тянулась, тянулась, тянулась... Растянулась на всю Проточную улицу! Всем хватило — и старым и малым, и кошкам с котятами, и полканам и жучкам.

Вот какие бывают тянучки! Нашли воробьи семечко
 — Мы первые увидели!
 — Нет, мы первые!
 Полетели по Проточной пух да перья! А семечко-то и пропало. А где дрались воробьи, в зеленой канаве, вдруг вырос упрямый, колючий татарник. Встала стеной у забора злая, жгучая крапива. В бочке «Квас» мятный квас превратился в пиво.
 Пришла Тайка на угол выпить мятного квасу, душистого, холодного, из кружки отхлебнула и выплюнула:
 — Горько!
 Поклевали из лужицы курицы с цыплятами. Носы отвернули.
 — Горько! Не сладко! Не квас это вовсе — пиво!
 А пиво зашипело, а пиво забурлило:
 — Вы, куры, не водитесь с гусынями-соседками. Они себя считают умными, а вас зовут соседками.
 Куры кинулись к петухам:
 — Вы только послушайте!
 Отмахнулись петухи:
 — Не до вас, пеструшки! Идем воевать с индюками. Нам пиво шепнуло: они нас зовут дураками. Бурчит пиво в бочке, бормочет... Да больно уж горько оно: не по вкусу пришлось даже возчикам. Они всю бочку и вылили. На беду рядом лошади были...
 Уж на что смирны битюги с лесопилки, а тут из телег вдруг повыпряглись, рассыпали опилки, раскидали бревна:
 — Возить телеги не будем! Дорога неровная...
 И не стали. Поднялись по канавам сорные травы. Торчит у всех ворот, шипами грозит осот. Повылазил у дверей, всю землю корнями опутал пырей. Заросла вся Проточная травами сорными, колючими, жгучими, ссорными, вздорными. Жалят они, цепляют, не дают никому проходу, напраслину возводят, сплетни разводят, мутят воду. Никто в гости друг к другу не идет, не едет. Соседки бранятся с соседками, соседи с соседями. Мальчишки дерутся, разбивают друг другу носы. Домов не стерегут — грызутся только псы.
 Пока все ругались и грызлись, пришли на Проточную воры — украли всю улицу с домами и заборами. Была Проточная улица и нету Проточной. Осталась на углу одна квасная бочка.
 Заржали битюги, замычали коровы:
 — Где наши хлевы, где наши стойла?
 — наших будок нету! — взвыли псы.
 Жители проточные повесили носы:
 — Ладно, сейчас лето. А придет зима? Холодна зима-то!
 На собак набросились:
 — Это вы виноваты!
 Собаки шерсть дыбом:
 — Виноваты не мы! Ни при чем тут мы, собаки.
 В таком шуме-гаме попробуй услышь вора. Лошади ржали, коты орали, мычали коровы. Вдруг кто-то пискнул:
 — Это я виноват...
 Тихо сразу стало. Из крапивы вышел мышонки Сухарик.

— Я ночью не спал, Проточную караулил. А днем задремал — вот и украли нашу улицу жулики.

Все засмеялись:

— Вот так караульщик! Толку от тебя!

Все засмеялись, а Сухарик заплакал:

— Я прокараулил. Я виноват!

Покатилась слеза, упала на землю, упала — превратилась в конопляное семя. Из него конопля поднялась высокая, высоченная. Залез на нее мышонок, вниз глядит. Все видно как на ладони!

— Все улицы на месте. Только нашей нет: украли воры. Вижу Подгорную, Горную, Рынок, откуда трамвай на Сарафановку ходит. Ямская, Кузнецкая, Мастерская... Вон они, воры, что Проточную украли!

В лесу Сарафановском спрятались воры, достают из мешков дома и заборы. Сухарик слез на землю.

— Идите за мной скорее. Я знаю, где дома, курятники и стойла.

Услышали спорщики, перестали ссориться. В телеги дали себя запрячь битюги. Все сели. Сухарик пошел впереди.

В лес пришли только к ночи.

— Отдавайте, воры, улицу Проточную!

Хватают собаки воров за пятки. Курицы клюют. Наставили коровы острые рога.

— Верните нашу улицу, если жизнь вам дорога!

Испугались воры:

— Мы пошутить хотели...

Погрузили Проточную улицу на телеги. Привезли назад.

Теперь на Проточной всегда тишь да гладь. Достали косы, достали вилы, сорные, ссорные травы скосили. Зазеленела опять по канавам ромашка да мята, да гусиная травка.

Все по-старому на Проточной. Как прежде на углу стоит квасная бочка. «Пиво-Квас» на ней написано, чтоб помнили, что было. Про то, как украли Проточную, про горькое пиво. Теперь — если и кто поссорится с кем, на угол бегут выпить квасу. Нужно только сказать десять раз:

— Пиво-квас, пиво-квас, помири скорее нас!- Страница 7 -Жил-был Трубочист. Лазил по крышам, с облаками разговаривал, пересвистывался с птицами. А дома ему не с кем было разговаривать. Разве только с огнем в печке да с водой в умывальнике. Никто не заходил в его дом. Все от Трубочиста шарахались. А виновата во всем была Сажа. Никакого ей покоя от Трубочиста! Весь день то трубы, то печи чистит. Где увидит сажу, выкурит, щетками достанет, ни порошинки не оставит. И Сажа его не жаловала. Только, бывало, он зазевается, она его — раз по носу, по щекам, вымажет одежду, запорошит глаза.

А то обернется старухой в черной шали, шастает меж людьми, шепчет:

— Наш-то Трубочист знается с Нечистым. Умывается сажей, на хлеб ее мажет.

Люди крестятся:

— Того не легче!

И обходят его дом стороной.

Однажды перед Рождеством поздно пришел Трубочист домой. Только вошел — слышит: кто-то есть на крыше! Опять вышел и что же? Бродит по крыше кошка черная желтоглазая. Где ни ступит — оставит черный след.

Трубочист и смекнул:

— Эй, соседка! Вот кем ты обернулась, Сажа!

А кошка вспрыгнула на трубу и давай небо черной лапой мазать.

— Брысь, негодница! — швырнул в кошку щеткой Трубочист. — Скоро встанет на небе

Рождественская Звезда. А ты небо замажешь, нам ее тогда не увидеть. А ведь целый год от этой звезды людям светло.

Зашипела кошка Сажа, метнулась в темноту и пропала.

Долго Трубочист чистил небо над крышей, щетками тер, пока пуще прежнего не засверкало. Пришел домой, свечу на подоконник поставил и зажег: может, кто-нибудь заглянет на огонек. Ходят люди из дома в дом, поздравляют друг друга с Рождеством. Скрипят, звенят по снегу шаги торопливые. Да все мимо, все мимо...

А тем временем рядом с месяцем ярко вспыхнула Звезда Рождественская. Вошел ее луч золотистый в дом Трубочиста, вспыхнул на дверце печи. Слышит трубочист, кто-то заслонкой стучит. Выпрыгнул из печки старик, рубаха красная, борода сивая. Давай бороду расчесывать гребнем. А золотой луч заиграл на умывальнике медном. Приподнялась крышка, и выпрыгнула оттуда старушка, маленькая, чистенькая, в белом платочке, синем переднике.

— Вы кто?

— Мы бабка с дедом.

— Я бабка Вода.

— А я — дед Огонь. Иди, дверь открой.

— Да ведь нет никого.

И вдруг: шаги, звонкие, маленькие, прочастили и смолкли у завалинки. Выскочил Трубочист в сени, отворил двери... Только морозное белое облако вошло с улицы в темную комнату.

— Нет никого, я же сказал.

— Как это нет! — пропела Вода. — Внучка пришла наша. Зовут Агашей.

Из облака морозного вышла девочка, в шубейке белой, барашковой, глаза серьезные. Подошла к трубочисту:

— Ты меня ждал? Я пришла. Только недолго я буду гостить. Уйду по весне. Не то растает моя шубейка и я вместе с ней.

Вот Трубочист обрадовался! Каждый день у него теперь праздник. Дед Огонь печку топит, баба Вода чистоту наводит. Агаша полотенце шелком шьет да песни поет. Катает Трубочист Агашу на саночках. Домой идет — в кулаке петушок на палочке.

Пришел месяц март. Стало солнце пригревать. Агаша у дома играла, шубейку сняла, оставила на завалинке, спохватилась, а шубейки-то нет. Горюет Агаша: растаяла!

Сидит дома весь вечер, гулять-то не в чем. Вдруг видит — белый барашек подбежал к окошку, стучит в него рожками:

— Шубейка твоя не растаяла — она барашком стала. Хочется мне побегать, воды попить, погрызть коры вербной.

И побежал к лесу. Агаша в двери и за барашком следом. Поймала ее бабка Вода.

— Ты куда?

— В лес за моим барашком, — отвечает Агаша. — Побегает он, погрызет коры вербной, попьет талой водицы и снова в шубейку превратится.

Дед Огонь нахмурился.

— Лес — не улица. Там тебя обидит каждый. Вот тебе подарок от меня — сапожки красные.

Хороши сапожки! Слово жар горят, совсем новые и Агаше впору. Дед Огонь Агашу учит:

— Обидит тебя кто, топни правым сапожком, и я, Огонь, тут как тут. А уж я бываю крут! Как пойду плясать, как начну пластать — никому несдобровать!

А бабка Вода протягивает свой подарок. На деда ворчит:

— Чему учишь, старый? Мыслимо ль девице злиться? Вот тебе в уши сережки-слезки. Заплачь, если кто обидит. Сережка с ушка сорвется, в землю уйдет, там, где я, выйдет. А я, Вода, не все стелюсь травой. За внучку я встану горой.

Покачал Трубочист головой:

— Чему внучку учите? Запомни лучше мои слова, Агаша. Никогда не плачь и не злись, тогда вырастешь девочкой настоящей.

Повязалась Агаша бабкиным платком и в лес напрямиком. Идет лесной чащей, зовет барашка. Мелькнет белое, она туда. Нет, это кора березовая. Долго Агаша бродила, замерзла. И тут дом под сосной! Дым над трубой стоит лисьим хвостом. То ли жареной курочкой пахнет, то ли гуськом. Агаша в дверь стучится, вышла рыжая Лисица.

— Здравствуй, девочка! Что ты у нас в лесу делаешь?

— Была у меня шубейка белая, — отвечает Агаша. — Да вчера убежала, белым барашком стала. Я хожу, его ищу.

— Была нужда бегать. Подарю тебе шубу новую, хорошую, одну зиму ношенную.

И достает лиса из укладки шубу лисью на атласной подкладке.

— Дарю от всего сердца!

Вдруг открылась печная дверца, и оттуда сверкнули желтые глазищи. Кошка Сажа!

— Ты, Лиса, кому шубу даришь?

— Дарю шубу внучке деда Огня. Мы с ним не чужие — родня. Я лиса-огневка, самому Огню — золовка.

— Сапожкам обрадовалась, — ухмыляется Сажа. — Хороши сапожки! А в ушах-то капли-сережки. Их дарила сама Вода.

— Вода? И ты, девчонка, посмела зайти сюда? Знаю я твоей бабки норы! Что ни год, топит наши дома и норы. Снимай дареную шубу и убирайся отсюда!

Обидно Агаше, вот-вот заплачет. Дрожит дареная капля-сережка.

Вдруг белый барашек стучит в окно рожками:

— Не плачь, Агаша, стерпи, помни, что говорил тебе Трубочист. Не то придет сюда бабка Вода, соберет все воды талые, затопит дома большие и малые.

Выбежала из лисьего дома Агаша, уже и след простыл барашка. Обсушило Агашины слезы ветерком, завязалась потуже платком, пошла дальше. У реки увидела дом: крыта крыша тростником: из трубы пахнет жареной рыбой. На крыльцо вышла хозяйка, Выдра.

— Я погреюсь немного, — попросилась Агаша.

— Отогревайся.

Размотала Агаша платок, слезки-сережки в ушах блеснули. Глянула зорко Выдра:

— Бабка сережки дарила?

— Да.

— У нас с твоей бабушкой дружба — не разлей вода. Как она тебя отпустила — на ночь глядя?

— Я сама ушла. Я шубейку потеряла, она барашком белым стала и в лес убежала. Подарила мне лисица шубу, да назад взяла.

Выдра вздохнула:

— У меня нет шубы. А вот воротник добудем.

Принесла воротник. Хороший воротник, так и лоснится! А из печки снова желтые глазищи.

— Ты, Выдра, знаешь, кому воротник даришь?

— Как же, она бабки Воды — любимая внучка. Мы вековые подружки: я и Вода.

— Ты посмотри, что у нее на ногах — красные сапожки. А кто их дарил? Дед Огонь сам. Явится он сюда и как дать пить, твой дом спалит.

Так и взвилась Выдра.

— Ты обманщица, видно! Нечего тебе делать тут! Иди, ищи свой бараний тулуп! Да воротник не забудь воротить.

Щеки у Агаши загорелись, слезы навернулись от обиды.

— Я думала, ты добрая.

— Ха, — смеется кошка Сажа. — Топни-ка на нее ногой.

— Нельзя, Агаша, злиться, — не то придет дед Огонь, как пойдет плясать, как начнет пластать, ни злым ни добрым несдобровать.

Кто это был? — Барашек. Выбежала Агаша, а его нету там. Пошла по его следам. Вышла к дому, крытому соломой. Дым стоит над трубой пушистой коротышкой.

— Значит, — думает Агаша, — хозяин тут зайчишка. Зайцы — звери безобидные, тут меня не обидят.

Постучалась, высунул голову Заяц.

— Заходи. Только снимай в сенях сапоги. Я сегодня мыл пол.

Посадил Заяц Агашу за стол. Угощает пирогами, расспрашивает, вздыхает.

— Да, у Выдры воротник завидный. И шуба лисья — чего лучше? А у меня — что? Прошлогодний, в заплатках тулупчик.

Пошел Заяц в чулан, заплатанный тулупчик достал. А с печи опять кошка Сажа.

— Ты взгляни, заяц, кому даришь тулуп.

— Агаше, ясно — кому.

— Агаше, — передразнила Сажа. — Дорого тебе обойдется тулупчик. Бабки Воды она внучка.

Явится сюда Вода и прощай твоя лачуга. Но это еще полхуда. Как придет дед Огонь за девчонкой, так и сгорит твой дом, как соломка.

Заяц на Агашу косится.

— Мне не жалко тулупчика. Но шла бы ты подобру-поздорову лучше.

Рассердилась Агаша:

— И ты, Косой, туда же!

Да как топнет на зайца ногой! Хорошо, что была необутой, босой. Выбежала в сенцы — сапожек нет на месте. Пляшет в красных сапожках кошка Сажа, топчет поляну.

— Прозевала, разиня, дедов подарок! Все тут будет помоему: сажа да уголья. Уж я теперь устрою веселье!

Ползут по поляне огненные змеи. Поднимается вверх по кустам, гудит жадное пламя. Стреляют вверх искры, вивает черная копоть. Чу! Чей-то торопливый топот. Белый барашек выбежал на поляну. И ну топтать, глушить огонь ногами! Такой маленький, а сбил высокое пламя. Только и сам он, белый, растаял. Поднялся вверх облачком, пролился вниз дождиком. Да на ту самую крышу, где трубочист трубу чистил.

Умыл его дождь, смыл с лица, рук и одежды копоть и сажу. Что это трубочист, никто и не скажет. Утерся он полотенцем, что вышивала для него Агаша. С тех пор, как ни старалась, не могла пристать к нему Сажа. Гуляет по городу с Агашей.

Прохожие шепчутся:

— Девчонка на Трубочиста похожа точь-в-точь. Видать, его дочка!

Пришла весна, пролетело лето. Не растаяла Агаша, выросла девочкой настоящей. А дед Огонь поутих. И не вспоминает о красных сапожках. Так они и пропали вместе с Сажей — черной кошкой.-
Страница 8 - До чего же были хороши игрушки на рождественской елке! Домики, усыпанные снегом из блесток, замки с башнями, нарядная детвора, волшебники и феи...

— Но это еще не все, — сказала Ане мама. — В полночь на самой верхушке, под Рождественской Звездой, появится колыбель с Младенцем Христом. Тогда на всех елочных домишках зажгутся

огоньки и весь елочный народ поспешит к колыбели
— Вот бы это все произошло не на елке, а на самом деле, тогда я пошла бы вместе со всеми, — пожелала Аня.

Слова эти услышала елочная фея и незаметно от мамы кивнула Ане. А мама принесла чашку молока и велела ложиться спать:

— До полуночи еще далеко, — сказала она.

Но как только мама вышла, Аня тотчас же встала и подошла к елке. Фея ждала ее.

— Сейчас, — шепнула фея, — вот только клубок разматаю...

Клубок золотой елочной канители был весь перепутан, и, словно нити в нем, спутались в голове у феи все волшебные слова. Конечно, она

сказала совсем что-то не то, потому что Аня стала вдруг совсем маленькой, точно игрушечной, и, как была с чашкой молока в руках, оказалась на елке. Посмотрела вниз: до полу далеко. Поболтала ногами и чуть не упала: тонкая золотая нитка держала ее на ветке. Аня сделала шаг, нитка стала разматываться, становясь все длиннее. Аня обрадовалась:

— И вовсе не плохо, что я здесь очутилась! Потихоньку, потихоньку и доберусь до вершины. Только какой же подарок я принесу к колыбели Младенца Христа? Здесь, кроме синей чашки с молоком, у меня ничего нет. Подарю ее...

И Аня стала подниматься вверх.

Вдруг из-за ели вышли двое: один в красном плаще и шляпе, другой во всем черном. Один с ружьем, другой с саблей. Это были разбойники. Первого звали Красный Перец. А второй был Перец Черный. Щеки Черного до глаз заросли черной щетиной, лицо Красного Перца полыхало румянцем и лоснилось.

— Что ты несешь? — спросили они.

— Чашку с молоком, — вежливо ответила Аня.

Разбойники приотстали. Красный Перец скривился:

— Терпеть не могу молока...

— И ты девчонке поверил? — усмехнулся Черный Перец. — Посмотри, как она бережно чашку держит. Провалиться мне на этом месте — в чашке бриллиант!

— Бриллиант! — подпрыгнул Красный. — Тогда нужно отнять чашку, и я знаю, как. Я стреляю из ружья. Пиф-паф! Девчонка пугается, роняет чашку — бриллиант наш!

Аня шла, осторожно ступая, золотая нитка разматывалась и в такт Аниной песне тихонько звенела:

На нитке золотой,
На тонкой канители,
С чашкой, полной молока,
Держусь я еле-еле.

Но слово я даю:

Ни капли не пролью...

Пиф-Паф! — раскатился выстрел, да такой сильный, что Красный Перец с перепугу выронил ружье. Стало тихо-тихо. И в этой тишине прозвенело:

Но слово я даю:

Ни капли не пролью,
Не расплещу
И чашки синей

Из рук не выпущу...

Красный Перец совсем растерялся:

— Ты что, не испугалась? — выскочил он из кустов.

— Испугалась.

— А почему чашку не выронила?

— Потому что, о чем поешь, надо выполнить.

Красный Перец оправдывался:

— Ну, маху дали... все равно свое возьмем. Не напугали, так обманем.

Он достал из заплечного мешка два пастушьих плаща.

Разбойники переоделись и вышли к Ане.

— Мы добрые пастухи, пасем телят, все тропинки здесь знаем. Одна ты заблудишься, иди за нами,

— сказал Красный перец.

А Черный про себя добавил:

— Мы поведем тебя туда, куда Макар телят не гонял...

Но этого Аня не слыхала и пошла за пастухами. Они вышли к Муравьиному замку. К замку был перекинут мост. Под мостом был ров. А во рву полным-полно муравьев. Они сторожили замок. Разбойники, конечно, сразу убежали. А муравьи накинулись на Аню и стали ее кусать и жалить.

Стряхнуть она их не могла — руки заняты. Синюю чашку, которая до краев была наполнена молоком, Аня боялась поставить. А песенка ее звучала теперь совсем жалобно:

Какие злые стражи

В замке Муравейном!

Зубы их и жала

Терплю я еле-еле!

Но слово я даю:

Что в чашке — не пролью,

Не расплещу

И чашки синей

Из рук не выпущу...

— Кто здесь? — прогремел голос.

Из дверей замка вышел муравей, да такой огромный, каких никто никогда не видел. Он был в мантии и короне. Это был Муравьиный царь. Глаза его, большие и темные, сверху вниз смотрели на Аню.

— Я иду к вершине ели. В полночь под Рождественской Звездой там появится колыбель с Младенцем Христом. Все поспешат к ней с дарами. И я несусь свой — молоко в синей чашке.

Аня перевела дыхание. Муравьиный царь дал знак, и стражники-муравьи, точно горох, посыпались в ров. Темные глаза Муравьиного царя смотрели в упор:

— О какой звезде ты говоришь? О какой вершине? Башня моего замка — вот вершина. И никаких звезд над ней не было и нет.

Аня перед Муравьиным царем была точно песчинка перед скалой. Но вот что она сказала в ответ:

— Вы, муравьи, глаз не отрываете от земли. Поднимите, царь, голову к небу...

Голос царя прогремел, словно гром. Глаза вспыхнули гневом:

— Если того, о чем ты говоришь, нет, я велю сбросить тебя в ров к муравьям!

Ане стало страшно. Задрожала в руках синяя чашка. Лишь бы не расплескать! Стал поднимать голову Муравьиный царь. Поднимал долго, вверх он глядеть не привык: всю жизнь он на все и на всех смотрел сверху вниз.

Вдруг упала со стуком тяжелая корона... Муравьиный царь не спешил ее поднимать:

— Звезда! Там горит звезда! Как она сияет!

— Я могу идти? — спросила Аня.

Муравьиный царь хлопнул в ладоши, и влетела карета. Ее везли муравьиные кони. Впереди — муравьиный кучер в ливрее.

— Садись скорее!

Помчалась карета, ударил в лицо хвойный ветер, замелькали елочные домишки. И вдруг — дворец.

Кучер одернул ливрею. Из окна махнула фея:

— Зайди! Я как раз раздаю игрушки!

Аня не удержалась.

— Я на минуточку!

Фея открывала коробки. Дети толпились около. Игрушки у них в руках оживали. Куклы пели и танцевали, киты пускали фонтаны, корабли, подняв паруса, отплывали в дальние страны.

— Что тебе подарить? — спросила Фея. — Куклу? Выбирай. Но ты должна взять куклу своими руками. Иначе она не оживет и танцевать не станет. Такой уговор у фей и детей.

Не отрывая глаз от куклы, Аня прошептала:

— У меня руки заняты. Я не могу чашку поставить: вдруг пролью? Я ее полной принести обещала...

— Что ж, — вздохнула Фея. — Такой уж, видно, уговор у людей: или ты даришь, или дарят тебе.

Аня попрощалась и убежала. А разбойники в это время глядели в окно, прижавшись к стеклу носами.

— Эх! Ничего не взяла! — зашептал Красный Перец.

— Я-то думал: поставит чашку, мы тут как тут, и сокровище наше.

Черный Перец затопал ногами:

— Хватит! Слыхали! Провалиться мне на этом месте — теперь сам я буду действовать!

Он выхватил саблю. Вжж-жик! Сабля рассекла золотую нить, что держала на елке Аню.

Прозвенела нить тонко, печально. Аня стремглав полетела вниз. Упала на пол синяя чашка...

Две руки в красных и две руки в черных перчатках потянулись к ней: «Наша!»

Но двенадцать раз пробили часы, слетел с вершины ели Ангел и прикрыл чашку белыми крыльями. Она была цела и до края полна молоком. Разбойники отступили в елочную тень. Ангел взлетел с синей чашкой вверх.

Там, под звездой, тихо покачивалась колыбель. В колыбели лежал Младенец. Он с улыбкой смотрел на Аню. От лица его шло такое сияние, что в комнате стало светло, точно днем.

И разбойников, что прятались под пастушьими плащами, все увидели. Аня подошла к елке. Фея кивнула Ане:

— Вот ты опять стала большая. И руки у тебя свободны.

Выбирай, что душе угодно!

— Хочу стать на минутку феей, — сказала Аня, поспешив к разбойникам. — Просите прощения!

— Вот еще! Я не умею! — Черный Перец стал еще чернее. Красный Перец еще больше покраснел:

— Я знал, да забыл, как это делается.

— Повторяйте за мной оба, — строго сказала Аня. — Я больше не буду разбойничать!

— Буду! Провалиться мне на этом месте! — закричал Черный Перец и провалился вместе с плащом, саблей и сапогами. И больше его никогда не видели.

Красный же Перец взмолился:

— Не буду! Я обещаю! Разрешите только в последний раз из ружья выстрелить!

Пиф-паф! Вылетел из ружья разноцветный фейерверк.

Все так и должно быть. Ничего на этот раз не перепутала Фея. - Страница 9 - До чего же замечательный пирог пекли в Сапожке на Рождество! Взглянуть на него приезжал в Сапожок сам Губернатор! Огромный пирог весь был разделен на квадраты. В каждый из них запекалось что-нибудь замечательное: монета, золоченый орех, фигурка из шоколада или сахара. Пирога хватало на всех сапожковских ребят. Они приходили на праздник нарядные, в вычищенной обуви, аккуратно постриженные, что случалось с ними не часто. Ведь в Сапожке и слухом не слыхивали о

парикмахерской, а чистильщиков обуви не было. Как всегда, на Рождество все дети были на городской площади. Опоздал только мальчик Тимоша. Он жил далеко, на Потерянке, и мать его долго не отпускала. — Темнеет сейчас рано. Неровен час — на разбойников наткнешься.

И все же упросил мать Тимоша. Когда он пришел на площадь, пирог уже был разрезан. Все жевали без помехи, шелестели фольгой и щелкали орехи. И для Тимоши был кусок пирога оставлен. В нем спрятан был сюрприз — сахарный ангел. Крылья у ангела были белоснежные, лицо тонкое, нежное. У Тимоши духа не хватило дотронуться до него.

«А вдруг ангел оживет?» — так он подумал и завернул ангела в чистый платок.

Катался Тимоша на горках и каруселях, глазел на елку и рождественский фейерверк. И вот, усталый, отправился он к себе на Потерянку.

Стемнело. Тимоша пошел быстрее. И вдруг на дороге легли три черные тени. Тимоша

поднял глаза: перед ним стояли разбойники. За самым маленьким волочилась по снегу длиннющая сабля. Ею он и загородил дорогу.

— Здравствуйте, — сказал ему мальчик. — Меня зовут Тимоша.

Разбойник удивился:

— Очень рад. Почему ты меня не боишься? Я — разбойник Перченый и навожу на всех ребят страх.

— Угомонись, Перченый, — отодвинул его второй, смуглый и чернобородый. — Я тоже известен всему городу. Слышал про Копченого?

А третий, поправив очки, тоже с Тимошей заговорил:

— Что ты делаешь на дороге так поздно?

— Я с елки иду. А вы?

— А я звезды считаю. Я их все знаю. Потому меня все Ученым зовут. А что, весело было на елке?

— Я катался на горке, и мне пирога дали.

Разбойники вдруг завздохали, а Ученый сказал печально:

— Мне, когда я был маленьким, пирога не давали.

— Ничего, — успокоил его Тимоша. — Приходите на будущий год на площадь, пирог большой, и вам достанется.

— А что там у тебя в варежке? — покосился Копченый.

— Сахарный ангел.

Тимоша развернул платок, и луна засияла на белоснежных крыльях ангела. Что стало с разбойниками! Копченый метнулся в сторону и чуть не упал в заметенную снегом канаву.

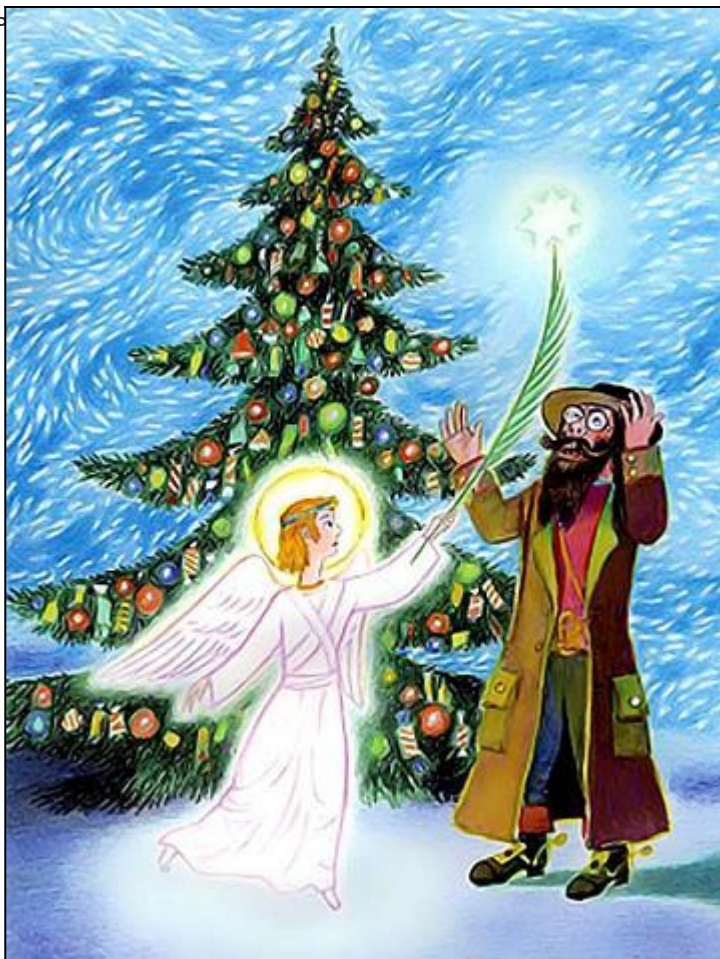
— Убери! Терпеть не могу белого! Мне только черные по нраву!

Перченый вдруг пустился бежать. Он бежал и ахал:

— Помогите! Видеть сладкого не могу! Мне плохо!

Ученый поспешил за ним следом:

— Я точно знаю, что ангелов не бывает. Я изучал небо.

— Убежали, — шепнул Тимоша ангелу. — Ничего, что ты им не понравился. Я тебя у кровати поставлю и буду смотреть.

Так он и сделал.

Прошел год. Наступило новое Рождество.

— Ты меня дожидайся, — сказал сахарному ангелу Тимоша и пошел на площадь.

Сколько ребят собралось на торжество! Были среди них и ряженые. А один мальчик был в одеянии ангела, с крыльями за плечами, в руках ветка пальмовая.

А вот и разбойники. Тимоша их сразу приметил. Посреди площади стояла красивая елка. Вокруг карусели, ледяные горки. Сам Губернатор, Тимоша узнал его по собольей шапке, катался с горы с ребятами. Но вот забил барабан, запели фанфары и трубы, семь лошадей, запряженных цугом, ввезли на площадь огромный пирог. Он был украшен флажками и свечами и сиял на всю площадь.

Разбойник Перченый взмахнул саблей, чтоб отхватить кусок побольше. Белое крыло опустилось на саблю. Это был мальчик в одеянии ангела. Сабля опустилась и отхватила кусок не побольше, чем остальные, но и не меньше. Внутри оказался сюрприз — шоколадный человечек. Он был в белой чалме и с дудкой факира. Копченый лизнул фигурку.

— Это то, что мне надо! Он из горького шоколада!

Мальчик в одеянии ангела тронул человечка пальмовой веткой, и дудочка в его руках вдруг заиграла.

Шоколадный человечек стал расти. Вырос, вырвал у Перченого саблю и проглотил.

— Посмотрите, какой я факир!

— Караул! Ограбили! — завопил Перченый. — Отобрали саблю!

И он бросился к разбойникам:

— Помогите!

— Не до тебя! — отмахнулся Копченый.

Ему достался пряник, в пироге запеченный, большой и сладкий. Это был трубочист, весь покрытый маком.

— Вот я тебя съем!

— Как бы не так! — засмеялся ему в лицо пряничный трубочист.

И тоже начал расти, расти и превратился в трубочиста настоящего: веселые глаза, зубы блестящие, мешок за плечами.

— Ах так! — разозлился Копченый. — Мне зато достанется мешок. Там, поди, всякого добра полным-полно.

Он выхватил мешок и влез в него с головой. А вылез, плюясь и чихая от сажи, с головы до пяток ею намаженный. Все думали, что это ряженный, и долго смеялись. Хохотал вместе с ребятами и сам Губернатор.

Ну а что же досталось Ученому? Звездочка, в пирог запеченная. Он рассматривал светлую звездочку очень внимательно.

— Я все звезды знаю. Такой нет на карте. А раз у нее нет названия, я дам ей свое имя. Пускай меня узнают во всем ученом мире.

— Звезды не носят имен разбойников, — тихо сказал мальчик-ангел.

Тронул звездочку пальмовой веткой, и поплыла она плавно в небо.

Поднялась и встала над Тимошиным домом.

— Это звезда моя! — закричал разбойник. — Я все равно ее достану.

Взмахнул белым крылом мальчик-ангел, взметнул снежный ветер, с Губернатора шапка спала, и вместе с ветром долетели до него слова, которые Ученый прокричал.

— Этот человек так любит звезды? Прекрасно! А в Сапожке полным-полно разбойников опасных. Хотите стать ночным сторожем? — спросил Губернатор разбойника.

— Что ж, — решил тот. — Неплохое звание. Но тогда рассыплется вся наша компания.

— А что любят ваши друзья?

— Что люблю я? — встрял Копченый, измазанный по уши в саже. — Я люблю чужие мешки,

кошельки, прочую поклажу.

— Это он шутит, — отодвинул Копченого Перченый. — Просто он любит все черное: деготь, смолу, ваксу, сажу.

Губернатор ткнул в Копченого пальцем.

— Прекрасно! Будет сапоги и башмаки чистить. Это ему на роду написано. А вам что по нраву?

Перченый потупился:

— Острые приправы: уксус, горчица, кетчуп. Ну и другое острое, конечно, — сабли, ножницы, ножи. Ты не корми меня перцем, дай послушать, как дети плачут.

Губернатор обрадовался:

— Замечательно! Вы будете в Сапожке парикмахером. Кого еще так боятся дети? Стригите себе на здоровье и брейте.

Разбойники не захотели разлучаться, согласились сторожить, стричь и чистить сапоги ваксой.

...Тимоша, вернувшись с праздника, не нашел дома сахарного ангела и подошел к окну. Наверное, он улетел на небо. Вон его звездочка светит над крышей и над всем спящим городом.

Что еще рассказать? В Сапожке сейчас все по-другому. Все забыли о грабежах и разбоях. Все аккуратно подстрижены и в начищенной обуви ходят. И очень гордятся своим ночным сторожем:

— Он знает все звезды — и настоящий разбойник к тому же.

Хотя и парикмахер, и сапожник — разбойники нисколько не хуже. — Страница 10 -_ Какую елку ставили к Рождеству в Зимогорах! Она красовалась в центре поселка, и все окрестные елки привставали на цыпочки, чтоб на нее посмотреть. Как она горела, переливалась, сверкала! А вот Матвейке нравилось, когда огни на елке не включали. Тогда можно было разглядеть все игрушки. Вот и сейчас Матвейка, задрав голову, ходил вокруг елки. Дул снежный ветер, он тихонько покачивал на ветках игрушки. У самой вершинки подвешенная, свернутая из синей бархатной бумаги, хлопушка золотой своей бахромой чуть слышно позванивала:

— А у меня что-то есть в серединке...

— Что? — прошептал Матвейка.

— Не скажу. Это тайна...

— Глупости! — сказал кто-то сзади. — Никакой тайны в ней нет. Хлопушка пустая.

Матвейка оглянулся. Вот уж

кого он увидеть не ожидал! Перед ним был черт! Самый настоящий: с копытами, с рогами, с противным курносим рыльцем и подпаленным где-то боком.

Черт этот притащился в Зимогоры из деревни Кулички. Он хлопотал здесь с самого утра, стараясь как можно больше навредить людям до наступления Рождества. Не было в Зимогорах такого двора, где бы черт не успел набедокурить. Раскатанные поленицы, разбросанные дрова, в тесте — угли и зола, праздничные занавески, испачканные в сажу, — все это его проказы. У тетки Настасьи черт отвязал козу Афанасьевну, и она убежала в лес. В Матвейкину кухню черт тоже умудрился залезть. Матвейкин дед, лесник Иван Павлович, как раз собирался в обход и сушил порох. Только дед вышел из дому, как черт сразу к печке. На ней две сковородки: на одной калятся орехи, на другой — дробь. Черт и перемешал обе. «Начнет орехи щелкать старый — последние зубы ломает!»

Тут дверь распахнулась, вошел дед с дровами. Увидев черта, он бросил дрова и схватился за двустволку. Черт кинулся к печке, шмыгнул в дверцу и выскочил из трубы на крышу с подпаленной на боку шерстью... Решил свалить елку, чтобы сорвать злость, но и тут не повезло, — он увидел Матвейку.

«Сделаю вид, что я не нарочно, — придумал черт. — Прыгну и уроню елку».

— В хлопушке ничего нет, — повторил он. — Хочешь посмотреть?

Он разбежался, подпрыгнул чуть не до самой верхушки... И вдруг раздался хлопушечный выстрел: хлоп-боп!!

Черт с испугу свалился в сугроб. Когда развеялся дым, Матвейка увидел: рядом с ним смеется мальчик одних с Матвейкой лет. Но как этот мальчик был одет! Синий мундир с блестящими пуговицами, на плечах золотые эполеты, на голове — начищенный кивер.

— Я — Хлоп-Боп, генерал всех петард, ракет, шутих и хлопушек. Вон на Лысой горке стоит моя пушка. Ровно в полночь в честь Рождества я дам из нее залп. А до той поры ни одну хлопушку трогать нельзя.

— Подумаешь, важность какая! — фыркнул черт. — Какая-то хлопушка пустая...

— Пустых хлопушек не бывает, — отвечал мальчик важно. — Что-нибудь да спрятано в каждой. И все ребята в Зимогорах об этом узнают скоро. Каждый получит хлопушку в подарок.

— А вот и не каждый! — подпрыгнул черт. — Я знаю девочку, которая ничего не получит.

— Почему это? — спросил Хлоп-Боп.

— Потому что ее нет в Зимогорах, — показал ему язык черт. — Она каталась на санках, а я подкрался сзади и толкнул ее в речку. Санки въехали в наледь, девочка промочила валенки, у нее заболело горло, и ее увезли в больницу в город.

— Это Уля! — догадался Матвейка. — Дочка тети Настасьи. Она болеет часто.

Хлоп-Боп нахмурился.

— Я не могу оставить свой пост. Тебе придется спросить у девочки Ули, чего ей больше всего хочется. Что она любит?

Хлоп-Боп хлопнул в ладоши: хлоп! Прилетела серебряная ракета и ткнулась носом в сугроб. Генерал всех хлопушек распахнул дверцу.

— Садись, Матвейка! Да будь осторожен в пути. Стенки у ракеты тонкие, из фольги.

И ракета взвилась! Сразу отстал поселок. А тайга провожала ракету до самого города. Сколько же здесь народу! И все незнакомые. И вдруг: пальтишко в клетку, шапка бадейкой, из-под шапки — косица. Матвейка посадил ракету.

— Уля, ты почему не в больнице?

— Я иду на автобус. Приеду домой — вот будет сюрприз! А где ты взял эту ракету?

— Мне ее дал Хлоп-Боп. Генерал всех петард, шутих, ракет и хлопушек. Он велел узнать, чего ты хочешь больше всего.

— Больше всего, — сказала Уля, — я хочу успеть домой на Рождество. — А подумав, добавила: — И никогда больше не болеть.

— Тогда садись в ракету.

И они полетели. Но черт не дремал. Он сидел на высокой сосне и ждал. И когда ракета пролетала над ним, запустил в нее камнем и тонкую стенку продырявил. Прочертив темное небо, серебряной кометой промчалась ракета и упала на занесенную снегом поляну, точно в перины и одеяла. Уля, сидя в ракете, тихонько плакала, Матвейка исследовал поляну. Вся она пестрела заячьими следами. Скоро явились и хозяева, залопотали:

— Ох, бедные! Упали... Оставайтесь на нашу, заячью елку. На свою вы все равно опоздали.

— Не хочу, — мотает Уля головой, — на заячью елку. Мало ли кто тут бродит? А вдруг волк?

Только сказала, волчья морда высунулась из кустов обгорелым поленом. Глаза красные так и горят. Ух, страшно! Так и брызнули в разные стороны зайцы! Уля зажмурилась, Матвейка присел... А волк и говорит, шепелявя:

— Шдравствуйте и открывайте глаза! На Рождество и волкам никого обижать нельзя. В нашей тайге все волки с утра положили зубы на полку.

Как только Матвейка открыл глаза, волк его сразу узнал.

— Ты внук нашего лесника. Я его только что видел. Он куда-то бежал на лыжах.

Уля руками всплеснула:

— Только что! Догони его, и немедленно! Пусть бежит сюда!

Волк мигом догнал лесника. Дед, увидев огромного волка, вскинул двустволку.

Трах-бах! — рассеялся дым. Волк стоял цел и невредим. Дед снова взвел курок. Щелк!

— Выстрели еще, пожалуйста! — облизываясь, попросил волк. — Я с утра не евши, закушу хоть орешками.

— Что за черт? — дед с досады чуть не сломал об колено ружье. — А! Это тот, он подсыпал орехов мне в дробь. Но первый-то выстрел был настоящий. В чем дело?

— А в том, что Рождество, — отвечал волк. — Уложил бы меня и не узнал, что внук твой Матвейка тебя звал. Он тут рядом, и с ним девчонка.

Лыжи помчали деда быстрее, чем ноги волка. И вот они оба на Заячьей поляне.

— Ждите меня здесь, — сказал ребятам дед, — а я побегу запрягать сани.

— Нет! — топнула валенками Уля. — Это долго. На елку опоздаем.

— Не надо саней, — вмешался волк. — Я-то тут для чего? Садитесь.

Матвейка и Уля сели на волчью спину. Волк помчался, за ним дед Иван на лыжах.

— На волке лучше, чем на ракете, — сказала Уля.

И песню затянула: «Посею лебеду на берегу...» Вдруг слышит: кто-то в кустах подпевает: Мою крупную рассадушку!

Мою крупную, зеленую!

На Улин голос выбежала пропажа Настасьина — коза Афанасьевна. И побежали все они гуськом: впереди с ребятами на спине волк, следом дед Иван на лыжах. А сзади, нисколько волка не боясь, — Афанасьевна. Увидев своих беглянок, не знала Настасья: радоваться ей или ругаться. Но ругаться уже и некогда было. Настасья козу подоила и стала собирать Улю на елку. Матвейка же сразу помчался на Лисью горку. Генерал Хлоп-Боп уже стоял у своей пушки, битком набитой разноцветными хлопушками. Матвейка что-то шепнул ему. Хлоп-Боп выслушал и кивнул.

...Пушка ударила ровно в полночь! Хлопушек посыпалось на поселок — витые, полосатые, серебряные, золоченые... Уле досталась серебряная. Она дернула за нитку. Хлоп! — и из нее вылетела птичка, бирюзовые перышки, хвостик лодочкой.

— Зимородок! — закричал Матвейка — Это зимородок!

Зимородок полетел прямо на речку, нырнул в темную прорубь, вернулся с серебряным колечком. В колечко был вставлен камушек — бирюза. Его Снегурочка потеряла, когда пришла весна.

— Кто Снегурочкино колечко на палец наденет — не простынет никогда, не заболит, — пропел зимородок, набросил колечко Уле на палец и фпр! — улетел.

Пушка палила, не смолкая. Ребятишки под град хлопушек и кульки, и руки подставляли.

А Матвейка все смотрел на ту, что висела у самой вершинки — большую, синюю, с золотой бахромой и тайной в серединке. В последний раз ударила пушка и смолкла. Спустился в поселок генерал Хлоп-Боп, подошел к елке и что-то шепнул синей хлопушке. Она сорвалась с верхушки и упала прямо в руки Матвейке. Что оказалось в ней? Сундучок окованный. А в нем кивер, синий мундир, эполеты золотые. Все новое.

— Примерь! — приказал Хлоп-Боп.

Все оказалось впору.

— Ты будешь теперь генералом хлопушек в Зимогорах, — сказал Хлоп-Боп. — А я... я и не знаю, куда меня через год занесет.

Мимо них прошмыгнул черт с ворохом хлопушек. Он непрерывно дергал за нитки. Пиф-паф! — сыпались из хлопушек мусор, солома, листья сухие, стружки. Был черт в саже, а стал еще гаже. Последняя хлопушка выстрелила обшарпанным голиком. Вскочил на него черт — и в Кулички напрямик!- Страница 11 -_ Был конец октября, но Ласточке, молодой и беспечной, месяц назад отставшей от стаи, казалось, что на дворе еще лето. Над рекой, в теплом столбе света, толкалась мошкара, а речка так молодо голубела! По резвым ее волнам ходко шла берестянка. В лодке сидели лесник и дочка его Уляша. Она первой заметила ласточку.

— Ласточка! Ласточка!

— Где? — поднял голову отец. И сказал хмуро: — Нечему тут радоваться. Неизвестно, что с ней будет завтра.

Лесник показал рукой на серые горы-гольцы. Там между двумя каменными головами клубилась лиловая туча. И все набухла, грозясь.

— Непогода идет, — сказал лесник. — Давай-ка к берегу поворачивать.

— А как же ласточка? — встревожилась Уляша. Ничего не ответил отец, только сильнее налег на весла. И вовремя! Туча медленно выползла из своей берлоги и уже заполонила полнеба. Ледяной ветер мчал за ней следом. Он растрепал тучу, и она просыпалась колючим мелким снегом. Ласточка, почуяв неладное, заметалась, разыскивая убежище. Но злой ветер не давал ей опомниться. Он кружил ее, гнал, пятнал белым снегом и, наконец, сбил, обессиленную, на землю.

А Уляша с отцом уже были дома. В сторожке пахло печным теплом, донником и отцовским табаком. «Хорошо дома», — думала Уляша, глядя в окошко на непогоду. И вдруг вздрогнула, вспомнив о ласточке... Что с ней будет?

И стала Уляша шептать молитву, просить Бога помочь бездомной птице. Она молилась так, как учила ее бабушка. Она шептала:

— Господи, помоги птичке малой! Не дай ей замерзнуть, Господи!

Скребли по стеклу голые ветки черемухи, лупила в стекло снежная крошка. Уляшу позвали к столу. И она не видала, как мимо окошка в снежных вихрях пролетел белый Ангел с узкими, длинными ласточьими крылами.

Все в тайге спрятались от нежданной метели. И никто, кроме Старой Ели, не видел, как Ангел, склонясь, разгреб наметенный холмик, поднял ласточку с земли и трижды ее перекрестил. И исчезла ласточка. Из-под Ангелова крыла вышла девочка в теплом платке, перевязанном крест-накрест. Тотчас улеглась метель. Белый Ангел, исчез, как не был. Но уже все ожило в тайге.

Свесилась с ветки любопытная Белка.

— Девочка, как тебя зовут?

— Ласточка.

— Ласточка, пойдем со мной!

Улыбнулась грустно девочка в теплом платке:

— Твой дом высоко над землей. Мне теперь не достать до него.

— Тогда я отведу тебя к Выдре. Она — ух, добытчица! Будешь жить сытно.

Выдра только что отужинала.

— Что ж, — сказала она, — мне нужна помощница.

Целыми днями, вернувшись с рыбалки, Выдра варила, солила и вялила рыбу.

— Зачем столько? — морщила Ласточка носик.

— Запас никогда не бывает лишним. Вот придут морозы, из дома и носа не высунешь.

Выдра заставила Ласточку рыбу жарить.

— Как тут душно, темно! — вздыхала Ласточка, отворачиваясь от кипящего масла.

Дождалась, когда хозяйка уйдет на рыбалку, и стала одеваться. А Выдра вдруг вернулась:

— Куда это ты собралась?

— Не нравится мне в твоей норе, темно, даже окон нет.

— А зачем они?

— Чтобы смотреть на небо.

— Не нравится — уходи. Может, замерзнешь где-нибудь, — зашипела Выдра. И выгнала девочку за порог.

Но Ласточка не замерзла. Белка снова ее в беде не оставила:

— Я тебе дом повыше и почище найду.

И отвела девочку к Горностаю.

У Горностая дом на горе. С окошками дом, со ставнями. Все комнаты у Горностая заставлены.

— В сундуках — меха, — похвастал хозяин. Каждую зиму горностай шубу на новую меняет, а старые сохраняет. — Их надо чистить, проветривать, пересыпать. Возьмешься мне помогать? Будешь стараться, и тебе шубу справлю к весне.

Собрался Горностай на охоту. Ласточке наказывает:

— Без меня не открывай в доме ставни. Неровен час, кто заглянет. А ведь в сундуках — столько добра!

День-два Ласточка терпела. А потом пожаловалась:

— Не могу я без неба. Без неба жить скучно.

— Скучно ей! Ай, ай! — передразнил девочку Горностай. — Скучно в стужу, если твоя шуба всех хуже. А у тебя и вовсе никакой нет.

— Ничего, — отвечает Ласточка. — Широк белый свет.

Снова Белка девочку пригрела. Хотя и сердилась:

— А ты привередница!

Но весел, отходчив нрав беличий. Взяла она Ласточку за руку.

— Отведу тебя к самому таежному Деду Уреме. Ух! У него богатые хоромы! Там все честь по чести. Высоко, просторно, и окошки есть.

Посмотрел на девочку таежный Дед.

— Зовут, значит, Ласточкой. Ишь, глазастая! Будет мне внучка на старость лет. Выращу, взлелею, будто царевну. Да как топнет ногой:

— Просыпайтесь, медведи! Валите деревья! Буду строить для внучки терем. А вы, горностаи, в горы бегите — за горными хрусталями.

Созвал дед Урема плотников-бобров. Не прошло и недели — терем готов. Красуется высоким крылечком, витыми лесенками, изразцовыми печками.

В окошках — хрусталь граненый, горный. Глаз радует. Ночью в нем месяц мерцает, днем солнце играет радугами. Служит хозяйке маленькой Белка. Орехи ей щелкает крупные и мелкие. А нащелкает — сказки говорит без умолку. Дед таежный Урема сам не прочь послушать те сказки, побегать с внучкой по лесенкам взапуски. Отрадно ему с Ласточкой, весело. Но всего лишь месяц прошел, и вдруг жалуется внучка:

— Приелись мне орешки. Сказки наскучили.

Встревожился Дед:

— Чем тебя порадовать? Хочешь, велю испечь шанежек? Медвежонка подарю, крошечного — с vareжку!

— Без птиц мне скучно. Хочу их пение послушать.

Вышел Дед на крыльцо. Хлопнул в рукавицы. Слетелись к нему птицы зимние: снегири, свиристели, зимородки, синицы.

— Пусть сюда летят, в терем! — кричит Ласточка.

Расселись птицы по лавочкам, по дверным косякам, по перильцам. Тенькают, в колокольцы звенят, свищут. Повеселела хозяйка терема, угощает рябиной снегирей да свиристелей. Крошит зябликам медовые пряники. А как птиц на волю отпустит, и сидит в своем тереме грустная. А Дед таежный вздыхает ночами:

— С каждым днем моя внучка бледней да печальней. Пожалела девочку Старая Ель. Украдкой шепнула ей:

— Все устроится. Жди Рождества.

И вот засияла в небе Рождественская Звезда. Разбудил Ласточку свет небесной вестницы. Она быстро оделась, сбежала по лестнице...

Все птицы ее уже были там, где сияла, сверкала Звезда. А она венчала макушку Старой Ели. Снегири, зяблики, синицы, свиристели окружили ель и пели ей:

Елка — лестница до неба,

Елка — лестница до звезд.

Елку всюду ставят люди

В день, когда рожден Христос!

Смолкла песня. Стало слышно, как звезды потрескивают, будто свечи. Все повернули головы туда, где шел по мерцающим снегам Ангел с ласточьими крыльями. Подошел он и стал с ласточкой рядом:

— Узнала ли ты меня? Я тот Ангел, которого Господь послал, чтобы тебя спасти. Воздадим ему благодарность, хвалу возвестим.

Голосок Ласточки робко льнул к струнному голосу Ангела. Он поднялся за ним до еловой вершины и, набравши вдруг крепости и силы, взмыл туда, где сияла над всем белым миром Рождественская Звезда. Коснувшись ее луча, как радостно он звучал:

— Рождественская Звезда, ты прекрасна! Так высоко я не поднималась даже тогда, когда была ласточкой!

А под сосной невдалеке, не замеченная никем, стояла укутанная по самые глаза дочка лесника. Смотрела и слушала, затаив дыхание.

— Это Уляша, — шепнул Ласточке Ангел. — Она молилась, чтобы ты осталась жива.

Еще раз прилетал к таежному терему Ангел. Уже наступила весна, и встречала земля светлый праздник Пасхи.

— Если хочешь, ты снова можешь стать ласточкой, — сказал хозяйке терема Ангел. Девочка не пожелала. Кругом все зеленело, шумело, пело. Но ей было жаль оставить навсегда своих зимних птиц и старого Деда. А теперь у нее еще была и названная сестра.

Уляша часто прибегала к ней на поляну. Они вместе играли и тем славили Христа. Зимой со свиристями и снегирями, а весной — с соловьями.- Страница 12 - Катя с бабушкой похожи. У Кати синие глаза. У бабушки тоже. Только Катины глаза бабушка называет синецветиками, а свои — куриной слепотой. Она на них сердита за то, что плохо они видеть стали. Даже очки им не

помогают.

Как-то вечером решила бабушка Катино осеннее пальтецо подладить; порет старые нитки, вздыхает:

— Все-то ночами шила, все-то ночами. Вот и потеряла глаза.

Стала в иголку нитку вдергивать. Только время потеряла зря. Будит Катю.

— Внучка, помоги!

Катя подумала: уже утро. Занавеску отдернула: за окошком луна круглая, полная. Нитку в иголку вдернула и снова в кровать. Только заснуть не смогла.

— Бабушка, — заворчала она сердито, словно большая, — спать ложись, мне свет мешает.

Бабушка послушалась, свет погасила и скоро задышала по-сонному. А Кате не спится. Светло от луны. Видно всю комнату и спящую бабушку, худенькую, маленькую.

— Сделаю-ка я сама бабушкину работу. Она утром увидит — обрадуется.

Прокралась Катя к столу. Свет включать не стала. Подол у пальтишка распарывает,

работает. Вдруг об пол что-то стукнуло. Катя нагнулась. Зеркальце круглое. Точно на солнце сияет. А другая сторона фарфоровая. На ней облачко и луна нарисованы. Катя вспомнила: год назад, по весне, когда стоял снег, она нашла это зеркальце. Положила в карман и забыла. Катя в зеркальце покосилась — два синих глаза в нем отразились. И вдруг чуть не выронила находку снова. Из зеркала на нее глянула чья-то усатая морда.

«Или мне мнится?»

На залитой лунной половице стоял Заяц. В жилете. Длинные уши сквозь берет продеты. В лапах фонарик. Он осветил им зеркальце.

— Ага! Вот она, потеря королевская. Я его ищу, а оно в кармане лежит и хоть бы хны. Это зеркальце, Катя, упало с Луны.

— С Луны? Виданное ли это дело?

— Да. Это зеркальце лунной королевы. А мы, королевские гвардейцы, подбираем упавшие с Луны вещи.

— А, — сообразила Катя. — Понимаю. Они падают вниз, когда Луна убывает. Но неужели трудно переставить все на другой край?

Заяц лапой махнул:

— Я это знаю. Но королева наша — беспечная девчонка и говорить с ней без толку. Все вниз летит: шпильки, туфли, ключи. А мы, лунные зайцы, ищи. Одно только радует — за ценную вещь полагается награда. Зеркальце ты нашла, впрочем. Значит, награда и мне, и тебе. Чего ты хочешь?

Катя и минуты не размышляла:

— Хочу, чтобы глаза у моей бабушки молодыми стали.

— Тогда мне придется зеркальце на день оставить. Пусть бабушка посмотрит в него, — сказал Заяц. И пропал с этими словами.

Выслушав внучку, бабушка вдруг заплакала:

— Что же ты себе ничего не попросила, Катя?

Катя заторопила:

— Посмотри же скорее в зеркало. Видишь, не куриная слепота у тебя, а синецветики!

Бабушка в зеркало глянула, белый платочек поправила и вдруг заахала, заохала:

— Господи, как у нас побелено-то плохо! И паутина в углу повисла.

И давай они с Катей белить да чистить. Усталая бабушка спать легла рано. В чисто помытом окошке опять Луна встала. Опять не спит Катя. И вот вырос Заяц в лунном квадрате. Важный! Еще бы! На груди у него висел орден. Девчонка смотрела с голубой эмали. На короне две буквы сияли, «Л» и «К». Лунная Королева!

— Ну что? Получила, что хотела? — спросил Заяц. — Надеюсь, зеркальце тебе больше не понадобится? — И сунул его в карман жилета.

Промелькнула весна, прошло лето. Наступила осень. Достала бабушка Катину пальтецо, повертела: — Чинено-перечинено, ношено-переношено. Надо садиться шить новое. Сейчас я с глазами, слава Богу!

Катя руками замахала:

— Не шей! Опять глаза потеряешь.

Бабушка ей кивает, а сама думает:

«Вот Катя уснет, я за шитье сяду».

Ждала, ждала да и уснула сама. Спит бабушка, ровно дышит во сне. За окошком месяц стоит узкий, как серп.

— Ну, — Катя думает, — на Луне совсем места мало. Как бы опять что не упало.

Только подумала, за окошком — плюх! Катя на улицу во весь дух. Возле дождевой бочки девчонка стоит, дрожит, как осиновый листочек. И волосы, и платье — мокрые. Глаза темные.

— Где-то я ее видела. На заячем ордене. Точно! Сама королева упала с Луны в нашу бочку!

— Надо обсушиться. Идемте в дом, Ваше Величество.

Глаза девчонки сверкнули гневом.

— И шагу не сделаю без короны!

Откуда-то выскочил Заяц, снял с груди орден, в бочку нырнул и вынырнул с короной, похожей на наперсток. Бабушка сбилась с ног, принимая нежданную гостью.

— Вот, Ваше Величество, платье Катина, ситцевое. Оно хоть и старенькое, но чистое, сухое. Уж к весне нашью ей новых.

Катя опять за свое — прохожу в старом! Долго сидели за самоваром. Гостья вдруг вздохнула грустно:

— Пироги такие вкусные! Так только бабушки умеют печь.

— А у тебя разве бабушки нет? — спросила Катя.

И услышала в ответ:

— На Луне живут дети, у которых бабушки не было и нету.

— А кто же вам варит?

— Сами.

— А кто шьет и чинит?

— Об этом ты скоро узнаешь, — вмешался в разговор Лунный Заяц. — Дай мне пуговицу от пальто твоего, — попросил он у Кати.

— Она всего одна осталась, бабушка ее в шкатулку спрятала.

Открыла бабушка шкатулку. Достала пуговицу голубую, лаковую.

— Да она тебе, Заяц, на что?

— Будет скоро Кате новое пальто.

Заяц не хвастал. Посадил пуговицу у себя на Луне. Поливал часто. Скоро вырос куст на грядке, набрал бутон. Показалась из бутона шелковая подкладка. Развернулась она. Потом долго росли рукава, воротник и полы. Наконец все покрылось пушистым сукном.

И вот пальтецо готово. Принес его Заяц Кате домой. В ряд пуговицы на нем — голубые, лаковые. А Заяц шкатулку открыл и запустил туда лапу. Нагреб пуговиц, что остались от летних платьев, ярких, прозрачных, точно леденцы. Платья не то, что пальто. Быстро растут. Распустились они на грядках, точно цветы: голубые, лиловые, сиреневого цвета.

Как раз к лету! Стояло на горе село Котоваськино. Там жил кот по имени Васька. В доме у Васьки чисто: вымыты полы, вылизаны миски. Закончит Васька прибираться, сядет на крыльцо, станет умываться, лапу мусолит — гостей намывает. Приезжайте, гости!

Никто не приезжает.

Старается Васька, скребет под ухом. А от гостей — ни слуху ни духу. Трет лапой нос, чисто моет щеки.

— Гости не приедут! — дразнятся сороки.

Васька кот не унывает. Пошел на базар, купил умывальник. Повесил во дворе. Утром слышит — звенит умывальник: трень-брень! Вышел во двор: девчонка умывается — беленькая, маленькая.

— Как звать тебя?

— Катя. Я в гости к тебе.

— А надолго?

— Как будет гоститься.

Рад Васька кот. Ходит по одной половице. Кормит свою гостью шаньгами творожными. Наливает в умывальник воду чистую, колодезную.

Целый день у Васьки звон во дворе, бречит умывальник: треньбрень!

— Мне, — вздыхает кот Васька, — носить воду не лень. Боязно мне: умываешься часто. Белей белого будешь — сороки утащат.

Уехал кот Васька в лес за дровами, налетели сороки и Катю утащили. Посадили в гнездо. Гнездо на сосне высоко-высоко. Погалдели и разлетелись.

Осталась Катя одна в лесу темном. Слезла с сосны, по лесу пошла и вышла к вороньему дому. Двери открыла — все у воронов черное, стены не белены, печка закопченная. Под потолком люлька, а в люльке лежит вороненок. Подошла Катя к люльке, агукает.

А вороненок из люльки:

— Зачем ты пришла сюда, глупая! Сейчас вернутся домой мои братья-вороны. Один брат — дровосек, охотник — второй, ну а третий — разбойник. Уходи скорее!

Катя к дверям, а вороны-братья уже у дверей. Все на конях. Дровосек — с топором, охотник — с ружьем, разбойник — с саблей. Увидали Катю:

— Будешь у нас хозяйкой. Печку истопишь, корову подоишь, напечешь калачей белых да сдобных. Да не вздумай убежать — все равно догоним.

Делать нечего, взялась Катя растапливать печку. А вороненок из люльки:

— Карр! Стараешься даром. Воронова печка с дымом, с угаром.

Задымила, закоптила печь, дым щиплет в горле, глаза Кате ест. А Катя тесто заводит. От едкого дыма не плачет: боится, что пересолит калачи.

Подал голос вороненок:

— Карр! Не выйдет белых калачей. У нас мука вся черная!

— Не беда, что черная. Я просею, как бабушка учила.

Десять раз просеяла — мука не побелела, просеяла сто раз — руки заболели.

Вороненок ей опять:

— Стараешься зря. Братья-вороны вернутся — выключат тебе глаза.

Катя песни распевает, чтоб не было страшно. Сыплется мука, сито в руках пляшет.

Вороненок каркает:

— Тебе придется не сладко...

А из сита вдруг — снег, белая крупчатка! Стала Катя калач в печку сажать, ей под ноги кочерга,

чумазая, вся в саже.

— Ишь, умытая какая! Сейчас тебя измажу!

— А как тебя, Кочерга, величают по отчеству?

— Кондратьевной звали.

— Пойдемте, Кондратьевна, я вас почищу песочком.

Заблестела, засияла Кочерга:

— Я и новая такая не была!

Печка увидела, так и ахнула:

— Как бы мне не закоптить вас, Кочерга Кондратьевна.

Перестала коптить да дымить. Жарко горит, ровно. Тепло в вороньем доме, пахнет сдобой.

А вороненок из люльки:

— Иди встречай корову. Да не сладишь ты с ней. Наша Ведьма с норовом.

Кочерга вздыхает:

— Ох и вредная...

Корова, и правда, глядит ведьма ведьмой. Наставила на Катю острые рога.

— Прут сломи да огрей-ка ее хорошенько! — из дому кричит Кочерга.

Повертела Катя прут в руках, повертела... Расцвел прут в руках барашками белыми. Корова на вербу глядит, бодаться забыла.

— Это вороны назвали меня Ведьмой. Верба мое имя.

Молока дала Верба полный подойник. Вернулись вороны-братья домой, всем остались довольны.

Спать улеглись по лежанкам.

— Нам завтра вставать спозаранку. Всю ночь люльку качай, чтоб наш меньшей не кричал. А будет кричать, задай ему таску.

Катя:

— Лучше расскажу ему сказку.

До утра говорила, слушал, молчал вороненок. К утру у него выпало одно перо черное. Катя сожгла его в печке. Назавтра опять завела сказку с вечера.

Сказка за сказкой, ночь за ночью, черных перьев все меньше, белых все больше. А как выпало перо черное последнее, стал вороненок гусенком белым. Нашла Катя во дворе березовую чурку, запеленала ее, положила в люльку.

Ночь пришла, братья-вороны спят, сами слушают вполуха. Слышат они — качается люлька, сказка говорится. Только разбойнику-ворону что-то не спится. Встал он с лежанки. Вот тебе и на! Люльку-то качает Кочерга.

Вороны — в дверь. Не открывается дверь, ее корова Верба рогами приперла. Вороны-братья в окно, скорей на коней и за Катей в погоню. Скачет лесом Дровосек, мчит лугом Охотник, полем рыщет Разбойник.

А Катя по речке плыла на белом гусенке. Накрыла ее черемуха белым шатром. Не увидел ее Дровосек, не услышал Охотник, промчал мимо Разбойник на коне вороном...

И вот опять Катя в селе Котоваськино.

Сороки клювы разинули:

— Здасьте! Опять тут девчонка да еще с гусенком!

Идут оба селом. Где пройдет гусенок белый, там чисто-светло. Яблони белы, будто облил их кто молоком. Трубы закопченные — как выбелили мелом. Закричали сороки:

— Вот напасть так напасть! Теперь не то что девчонку, иголки не украсть. На белом видать нас, пестрых.

Наливает кот Васька в умывальник воду, встречает гостью.- Страница 13 -_ Хороша печка у кота Васьки — высокая, белая, занавески красные.

Помогают Ваське с печкой управляться печные домовые — три братца. Внизу старший живет — Поддувало, пузырями щеки. На самом верху, за маленькой дверцей, ютится младший.

Зовут его Выюшка, чумазый, маленький, кудри, как стружки. Средний — Шесток на шестке живет,

глаза кошачьи, зеленые, толстый живот.

У каждого брата есть дело. Шесток в горшках мешает, чтоб не подгорело. Поддувало дует в поддувало, его дело, чтоб в печке пылало. Маленький Вьюшка — тоже работяга, он вьюшку открывает, чтобы была тяга. Протопится печка — на боковую все трое.

А однажды случилось такое. Печь протопилась, Поддувало храпел на боку, легонький Вьюшка от скуки расхаживал по потолку. Толстый Шесток выскребал большой ложкой горшок с кашей.

В дверь кто-то поскребся.

— Кто там?

— Я, щенок Заплатка. Пустите погреться, замерзли лапы.

Проворчал Поддувало:

— Не лезь, косолапый.

Заплатка просунул в дверь нос. Шесток дверь захлопнул:

— Ишь, нашелся гость!

Вьюшка маленький просит:

— Братцы, пустим Заплатку!

Шесток заворчал:

— А вот мы в тебя поленом запустим!

Поджал Заплатка хвост — и в сени. Вдруг треск раздался и гром, пол заходил ходуном. Вся изба ходуном пошла — печь с места сошла. Прогудела в трубу басом:

— Я с вами жить не согласна!

Закачалась труба на крыше. Печь двери толкнула и вышла.

Ждали, ждали братья — не возвращается печка. Надо идти ее искать, делать нечего. Улицу прошли — ее и след простыл. Вышли на Протоку — и здесь печки нет. Дрожат печные на ветру, на морозе. Спрятались от ветра в роще березовой.

Потянул Поддувало носом:

— Откуда-то дым наносит.

Пошли туда, откуда дым, и к деревне Мышихе вышли. Стали стучаться в дома:

— Мы — печные домовые. Нам бы пообедать.

Не открывают мыши:

— А что вы умеете делать?

— Я дую в топку из поддувала.

— Я слежу, чтобы каша не пригорала.

— Я открываю и закрываю вьюшку.

Кривятся мыши:

— Работники вы никудышные. Нам таких не надо.

— Замерзнем теперь, — захныкал Поддувало.

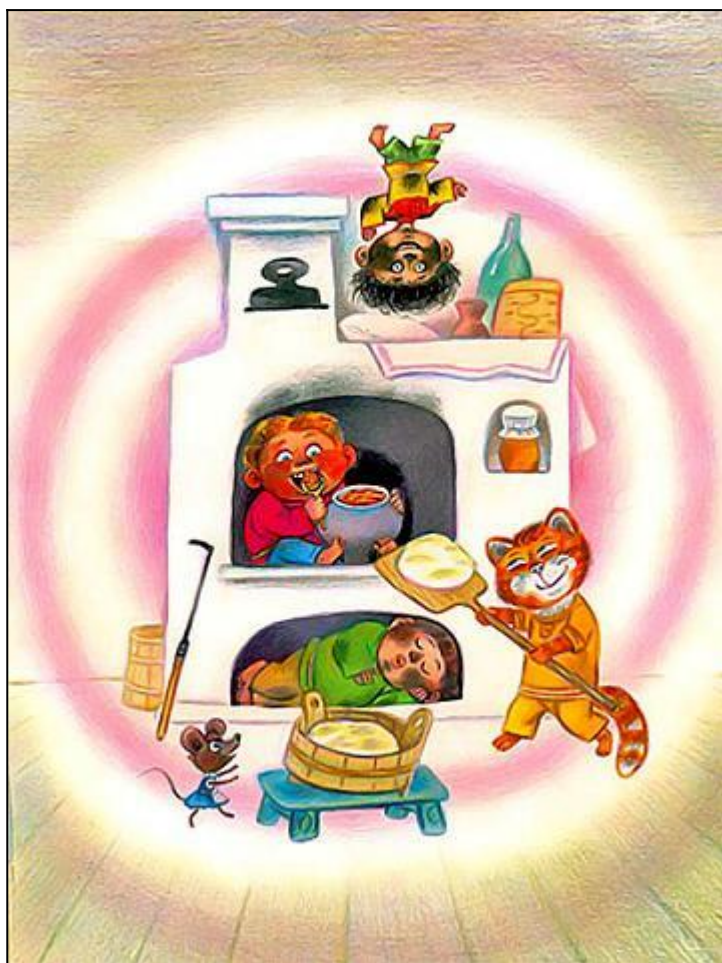
Заохал Шесток:

— Плохо дело наше. Эх, не припас я на черный день каши!

А Вьюшка затянул пояс потуже:

— Нам плохо братцы, а коту Ваське еще хуже. Холодно и есть Ваське нечего. Надо сложить ему новую печку.

Поддувало надулся:

— Мне до кота Васьки мало дела. Вот себе бы я печку сложил, чтобы меня грела.

— А я бы такую, чтобы кормила меня хорошо, — размечтался пузатый Шесток.

Нашли они печника, рыжего Лисовина. Взял он их в ученики — месит глину, подают кирпичи. Лисовин всех троих мастерству обучил.

Сложил Поддувало печь большую, чтоб было где лечь. Бросил охапку березовых дров.

— Погреюсь, поваляюсь, сейчас будет тепло.

Ждет он, ждет. Да не тут-то было. То ли не нагрелась печка, то ли уже остыла. Холодным-холодна. Лисовин подошел, посмотрел, сказал:

— В хозяина печка. За дело ты брался зря.

Рассердился Поддувало и развалил печь на кирпичи.

Шесток свою печку ладил, каждый кирпичик гладил.

— Моя мастерица-печка будет кашу варить, ничего не выкипит, не подгорит.

Пузатая вышла печка. Сунул в нее Шесток котелок с кашей гречневой. Булькает каша, прееет. Только каша поспела, печка — хватъ! Весь горшок себе в пасть опрокинула. Что в нее ни поставят: калач ли, пирог ли — все обжора пузатая слопает. Схватил Шесток свой горшок и убежал.

И у Вьюшки вышла печка в хозяина, маленькая, чумазая, над трубой дымок кудрявый, собой неказистая. А разгорелась мигом и пошла в Котоваськино. Едва успел Вьюшка шмыгнуть в свою дверку. Шагает печка быстро, метет за ней метелица. Пришла она в село, вот и Васькин дом. А из трубы дым валит! Вьюшка свою дверку приоткрыл:

— Печка-то Васькина — дома! Вернулась. Ну ничего, моя и здесь пригодится, на улице. Вставай, печурка, на углу.

Печка встала. На всю Проточную запахло кашей, сухарями. Собаки набежали:

— Нам бы по сухарику.

Воробьи налетели, просят:

— А нам бы каши просовой.

Прибежал и щенок Заплата:

— Я только погрею лапы.

Целый день подбрасывает Вьюшка в печку дрова. Всех накормил, всех обогрел. Дело к вечеру. Выгреб он золу, закрыл трубу. Видит, Шесток с Поддувалом выходят из Васькиных ворот.

— Не пустил нас кот Васька. Сказал — без нас управится.

— Что же, живите, шесток с поддувалом свободны.

Улегся Шесток на теплый шесток, в поддувале свернулся калачиком Поддувало. И захрапели, как бывало... На задворках, в сарае, где крыша худая, семь братьев-дождиков жили. Исправно все семеро людям служили. Первый брат — Проливень — наливал в бочки воду, второй брат — Косой — поливал огороды, третий — Ситничек — грибы ситом сеял, четвертого звали Окатыный. Окатывал он ребят с головы и до пят. Пятый брат — Спорый — бегал в леса и горы, приносил прохлады жбаны полные. Дождик Бусый по капле поил птенцов желтопузых.

Седьмой брат, самый маленький, на дудке играл. Его звали Дударик. Спрячется Дударик под дырявым кувшином и играет на дудке камышиной. Все его слушают, а кто играет — не знают. Знают только ребята, что засыпают под его песенку. А еще знают скворчата в скворечнике. Горох,

морковка да репа на грядках, да огурцы в огуречнике. Но вот скворчата превратились в скворцов. На огородах полно огурцов, репы, морковки. То-то ребятам раздолье!

Взрослые говорят:

— Не уродилось бы ничего, если бы не было дождя.

Вот и пришли ребята к старому сараю.

— Братья-дожди, мы вас приглашаем. Хотим угостить вас киселем.

На пир братья пришли всемером. Растерялись ребята:

— Где мы столько посуды добудем?

— Ничего, — отвечают братья-дожди, — мы со своей посудой.

Стали гости кисель хлебать: Проливень из бочки, Косой дождь из ведра с лейкой.

Просит Спорый дождик:

— Мне полный жбан налейте!

Дождик Окатный не отстает от брата:

— Вот мой ушат. Я пью кисель ушатами.

Братец Ситник наливает ситом. Ест и хвалит:

— До чего же сытно!

Дождику Бусому поднесли кисель в кувшине. А младшему — Дударику — налили в дудку камышиную, а больше киселя не осталось...

Прошел август месяц. Стали братья-дожди собираться в дорогу.

— Пора нам уезжать вместе с дядей Громом.

Запряг телегу дядя Гром. Уселись в нее дожди со своим добром. Ситник — с ситом. Спорый — с ушатом, Проливень — с бочкой большой, с лейкой — дождик Косой, Бусый — с кувшином, Окатный — с ведром. Тронул телегу дядя Гром.

Бежит, догоняет ее Дударик:

— Меня забыли! Меня не позвали!

Заворчал дядя Гром:

— И этот не пустой, а с добром! Для твоей дудки нет на телеге места. Кони с места не сдвинутся. Но! Едем!

Сколько ехал, столько и плакал по дороге Дударик. Только вдруг догоняет телегу Журавлик, а в клюве — дудочка камышовая.

— Я до теплых краев ее донесу. Она не тяжелая.

...Весной, когда из теплых краев домой собирались, не взяли с собой Дударика.

— Для тебя на телеге нет места.

Братья домой не одни собираются: каждый — с невестой. А невесты у братьев — радуги. И у каждой сундук с нарядами.

Вернулись домой братья-дожди, за работу принялись. Льют ушатами, бочками, лейками воду, да только ничего не растет в огородах. Вот незадача! Ни гороха с морковкой, ни репки... Хоть плачь. Приуныли ребята, галдят целый день голодные скворчата в скворечнике. Не алеют среди гряд маки, пусто в гряде огуречной...

Братья-дожди чешут в затылках, наряды жен-радуг их не веселят.

— Эх, не видать нам нынче киселя!

Собрались и пошли к журавлям.

— Где тут у вас журавлик, что с нашим младшим дружил? Он летел за нами следом с его дудкой

камышинной.

Вышел журавлик.

— Это я. Я за Дудариком летаю.

Неделю не было его. А через неделю все увидели: летит верхом на журавле маленький Дударик. Обнял руками шею журавлиную, лежит и дудит в дудку камышиную.

Морковка, горох, что в земле крепко спали, сразу проснулись:

— Слышите, Дударик!

Опустил на землю Дударика Журавлик. Хотел тот спрятаться под кувшин, да кувшин занят. Дождик Бусый из него поит скворчат. Сел Дударик играть в палисаднике, все его и увидели.

— Так вот кто на дудке играл! Играй, играй, пусть братья твои пока помолчат!

Вот и играл Дударик, когда его просили. Под песенки дневные горох, морковь да репка росли. Под песенки ночные — ребята и огурцы.

Август пришел. В старом сарае братья-дожди на пир собрались с женами-радугами вместе. Малыша Дударика посадили на почетное место. Таз киселя ему налили, дудку-камышинку цветами перевили. - Страница 14 - Жил в деревне пастушонок Тимоша. Кнут да пастушья сумка — ничего у него больше не было. А коров ему дали пасти целое стадо. Бегают за ними Тимоша с утра и до поздней ночи. И мечтает он:

— Был бы у меня конь! То ли дело! Не надо вязнуть по колено в грязи и по жаре плестись. Когда б захотел, всегда искупался. А пешком не дойти до речки, не добраться.

Однажды в жаркий полдень брел Тимоша за своими коровами и так ему искупаться захотелось — нет мочи! Оставил он коров в березняке, в лесочке, а сам направился к речке. Шел сначала лесной дорогой, потом полевой тропинкой. Она его на луг и вывела. А на лугу, куда ни взгляни, ходит под ветром серебристый ковыль. И жара! Хуже, чем на дороге.

Сморило Тимошу. Только сквозь сон слышит он чьи-то голоса и звон. Глаза открыл — слышно отчетливей прежнего:

Бом-Бом!

Железо куем. Железо.

Огонь в кузне жарок.

Искры горячи.

Скуют кузнецы

Замки и ключи.

Выйдет и крыша

Покрыть новый дом.

Бом! Бом!

А другие молоточки бьют потоньше и позвонче.

Бом! По золоту бьем!

Куем, в шнуры вяжем

Золотую пряжу.

Плющим и тянем,

Пока не устанем.

Нам вовсе не лень

Золотую витую

Тянуть канитель.

Присмотрелся Тимоша: в ковыле кузни дымят, каждая не больше гриба. В открытые двери видать: кузнецы машут молотами, огонь пылает в горнах. Ага! Вот почему здесь такая жара.

Встал Тимоша, пригладил волосы, рубашку одернул.

— Здравствуйте, добрые люди! Вы кто будете?

Отвечает ему чумазый кузнец:

— Здесь город Ковыли. А мы ковали. Кузнецы, по-вашему. Наша улица зовется Кузнечная. А рядом

Горшечная. Там гончары лепят горшки да обжигают. За ней Стекольная. Там тоже, как водится, без печей не обходится. Потому и жарница. А ты как, пастушок, сюда забрел? Корову ищешь?

— Исккупаться хотел.

— Исккупаться бы не мешало. Да невпроворот работы. То куешь кочергу, то навес на ворота. А нашим швеям иголки давай — шить золотой канителью.

— А на что она, канитель?

— Расшивать закаты да рассветы.

Кузнец снова взялся за молот.

Тимоша приметил: рубаха у него мокра от пота.

— Да, — говорит, — тяжелая у вас работа.

Кузнец отхлебнул из кувшина квасу.

— У нас что? У стеклодувов вот жара так жара — нету спасу. Работы не меньше, и она труднее, потому что мельче.

— А что они делают?

— Росу выдувают. Из радуг. Каждый день подавай новую, да две перемены, утреннюю и вечернюю. А если помочь мне хочешь, — принеси воды с речки — умыться.

Дал кузнец ведро. А оно с наперсток. Вздыхнул Тимоша:

— Не привык я ходить с таким ведром.

И в свою деревню пошел. Обрато с ведром еле добрел.

Хороша водица в речке. Да не пришлось Тимоше долго купаться. У кузницы весь ковыльный народ собрался. Здесь и чумазные кузнецы, и гончары, их не чище, стекольщики, и лудильщики, и веселые золотошвей с косами, будто из золотой канители. Все просят:

— Полей из ведра, Тимоша! До речки нам долго идти, очень уж мы мелки.

Наклонил Тимоша ведро, все встали под него, смеются, толкаются:

— В такую жарницу дождик — золота дороже. Очень нам твой дождик нравится!

Оставили пастушонка обедать. Тимоша холодной простокваши отведал, выпил пять кувшинов квасу.

Да вдруг засобирался:

— Коровы разбредутся — потом не собрать.

Хозяева приглашают:

— Приходи опять!

— Не обещаю. Очень уж далеко. Вот если б был у меня конь...

— Сюда нельзя на коне! — заволновались хозяева. — Стопчет тут он у нас все. Конь большой, а мы маленькие.

А кузнецы друг дружку толкнули:

— Ничего. Был бы конь, мы его, как надо, подкуем.

...Приходит Тимоша в березняк — а коров-то и нет! Только глубокой ночью собрал он стадо, когда в деревне все уже спали.

А ему не спится. Месяц смотрит в окно из-за туч. Протянулся от месяца серебряный луч. А по лучу бежит конек. Мал, да видно, на ногу легок, серебристой масти. Вместе с лучом и вошел в окно:

— Тимоша, здравствуй! Ты хотел коня? Вот и я, конек Ковылек. Подкован ветром, легче меня нету. И по лунному лучу пробегу, коль захочу.

Вздыхнул Тимоша:

— Не вышел ты ростом.

— Исправить это просто. Видишь, у меня — дудка поперек седла. Это наш кузнец сковал. Попробуй, сыграй.

Поднес пастушок дудку к губам. Заиграла она. Каждое слово выговаривает ясно:

Малиновый, зеленый, синий,
Желтый, красный.

Только кончил играть, взмахнул конек длинной гривой и большим конем стал, Тимоше под стать.

Говорит он Тимоше:

— Приходи в березняк на зорьке. Там я буду тебя ждать.

— Лучше ты, Ковылек, прибегай сюда.

Отвечает Ковылек:

— А вот это нельзя. Запомни: никто видеть меня, никто знать про меня не должен.

Распахнул Тимоша ему двери, вышел конек неслышно, легко. Видел его только месяц серебряный. Стал Ковылек пастушонку служить. Не вязнет больше Тимоша в грязи, не изнывает от зноя. И с коровами нет больше горя. Слушаются они дудки. Самые бедовые от стада и шагу не сделают в сторону. Не житье, а приволье! И в Ковылях гостит Тимоша, и в речке купается, сколько угодно.

И был бы пастушок совсем счастлив, да вот хочется ему на коньке Ковыльке по деревне промчаться. Думает он об этом днем и ночью, уговаривает конька. Но тот даже слышать не хочет:

— Нельзя никак. Никто меня видеть не должен. Никто не должен про меня знать.

— Почему?

— Позарятся люди, уговорят тебя: продашь меня, променяешь...

Тимоша обиделся:

— Вот ты обо мне думаешь как!

И не пришел в условленное место в березняк. Ждал Ковылек, ждал. Не стерпел, сам к Тимошиному дому прибежал. Вскочил на конька Тимоша, вихрем промчался по деревне. Люди смотрят, глазам не верят, качают головами:

— Хорош конь! Масти такой мы и в глаза не видали!

Прослышали про конька цыгане. Приступают:

— Продай коня!

Сердится Тимоша:

— Не продам и не сменяю. Конек — мой!

Тогда ночной порой скараулили коня цыгане, увели и закрыли в сарае. Спит Тимоша и беды своей не знает. Вдруг слышит: дудка его заиграла. Знакомую песенку выговаривает, только слова переставила:

Красный, желтый, синий,

Зеленый, малиновый...

Услыхал эти слова Ковылек, потрянул длинной гривой и опять стал маленьким. Вместе с лучом месяца вышел в щель сарая. Дудка помолчала и опять сначала:

Малиновый, зеленый, синий,

Желтый, красный.

Ковылек потрянул гривой, опять стал Тимоше под стать и вернулся к нему. А цыгане его искали напрасно: пуст сарай и на мокрой траве — ни следа. Диву дался старый цыган-лошадник. На базаре в городе цирковому Дрессировщику рассказывает:

— Что твои кони! Ну барьеры берут, ну умеют танцевать. А я вот видел коня — сквозь стену проходит, на траве не оставляет следа!

Разыскал Дрессировщик в деревне Тимошу.

— Цыган говорит, конь твой сквозь стену проходит, травы не примнет копытом, так на ногу легок.

— Есть у меня такой конек, правду говорит цыган.

— Выступи с ним в моем цирке. А выручка — пополам.

Тимоша головой качает.

— Ну, значит, все это пустые слова.

Поднес Тимоша дудку к губам: конек Ковылек услышал, прибежал.

Дрессировщик так и обмер: не болтали цыгане! Стал Тимошу уговаривать:

— Уезжай из деревни! Каждый вечер будешь с коньком на арене. Наряжу тебя в сапоги-ботфорты. На плечи накинешь плащ шелковый, в руки — хлыст с лакированной ручкой. Забудешь житье пастушье.

Конек Ковылек смотрит грустно:

— Останемся дома, Тимоша. Боюсь — будет беда.

— Не бойся, — утешает конька Тимоша. — Я тебя не сменяю и никому не продам. Мы всегда будем вместе.

В тот день не найти было в цирке свободного места. Сначала выступали лошади Дрессировщика, брали барьеры, танцевали вальсы. Вдруг конек Ковылек по арене вихрем промчался.

— Внимание! — вышел Дрессировщик. — Вы увидите чудеса ловкости и легкости! Конек Ковылек подкован ветром! Легче его на свете нету!

Под куполом цирка натянули канат. Вышел Тимоша — его не узнать: высокие сапоги-ботфорты, на плечи наброшен плащ шелковый. Хлыст звонко выстрелил: щелк! Вскочил на канат конек. Бежит легко по канату, как по ковыльному лугу когда-то, волнистая грива колышется. Зрители смотрят, не дышат: а вдруг сорвется?

— Это еще не все! — объявил Дрессировщик, когда Ковылек прыгнул вниз. — Номер на бис! Бег по лучу прожектора! Погасите свет! Лампы погасли одна за другой. Только луч прожектора, тонкий, неверный, протянулся через арену. Для Ковылька, подкованного ветром, опора и это. Бежит по тонкому лучику, не споткнется, не оступится.

— Бис! — кричали зрители. — Bravo, Конек, подкованный ветром!

Но Дрессировщик вдруг скомандовал:

— Долой и прожектор!

Прожектор погас. Музыка смолкла. Стало темно, и зрители не видали, как, сорвавшись, упал Ковылек. Ведь не было теперь под его ногами даже тонкого лучика. И вдруг в темноте заиграла пастушья дудочка. С ней Тимоша никогда не расставался.

Красный, желтый, синий,

Зеленый, малиновый.

Дудочка пропела, и от нее протянулась к коньку Ковыльку золотая нить канители. Пробежал по ней конек и исчез, как растаял.

...Потом долго спорили зрители, одни явственно видели, как пробежал по золотой нитке конек. Взмахнул гривой и, став совсем маленьким, спрятался в дудочке, в самой ее середине. Другие ничего не заметили. Вспыхнул свет.

— Где конек? — спрашивали дети.

— Это все цирковые фокусы, — объясняли взрослые.

Чувствуя себя виноватым, Дрессировщик сказал:

— Я от своего слова не отказываюсь. Оставайся, Тимоша, у меня.

Но Тимоше не хотелось возвращаться домой без коня. Он стал жить в цирке и ходить за лошадьми. Чистит их, выгуливает. А когда останется один, в пастушью дудочку дует.

Все ту же песенку дудка поет, простую, недлинную:

Красный, желтый, синий,

Зеленый, малиновый...

Но конек Ковылек не выходит. Все напрасно.- Страница 15 - Это было в давние времена. Тогда сам дедушка Наум Грамотник учил детей грамоте. Приходил к ним с полотняной сумкой, с гусиным пером и костяной указкой, учил читать и буквы показывал.

Так выучил он и Агашу. Подрос у Агаши Ваня, братец. Стала она его буквам учить. Капризничает Ваня, упрямится:

— Не хочу! Не буду! Непонятно! Трудно!

И как хлопнет по азбуке рукой! Рассыпалась она, да так, что и не собрать. Как сквозь землю провалилась. Искала ее Агаша, ни одной буквы не нашла.

Погоревала она, повязалась платочком и пошла белье полоскать на речку. Вынырнула со дна большая щука. Нос крючком. Голова поросла мхом, в жабры продеты сережки! Ухватила Агашу за одежду и утащила к себе на дно. В щучьей заводи ни мелко, ни глубоко. Поднесли раки, прислужники щучьи, Агаше питье. Оно было из травы, которую называют щучьим языком. Не знала Агаша, какое питье в чашке, выпила и онемела сразу. Ни крикнуть, ни позвать на помощь не

может.

А дома ждет ее братец Ваня. Ждал он, ждал. Вдруг в дверь постучали. Входит старик — седые усы и борода. Глаза из-под лохматых бровей сердито глядят. Холщовая сумка через плечо, из нее торчит костяная указка.

— Не дожدهшься ты сестры своей Агаши, пока не наполнишь доверху берестяной короб.

Только хотел Ваня рот открыть, чтобы спросить, что он должен туда положить, как исчез старик. Что делать? Вышел Ваня из дому. Ходят гуси по двору. Подошел к Ване гусак:

— Далеко ли идешь с коробом?

— А тебе что за дело?

— Ишь ты, какой гордый! — обиделся гусь. — Тоже мне птица! Вот мне, гусаку, есть чем гордиться. Сам Наум Грамотник пером пишет гусиным.

— Кто такой? Я о нем не слышал.

— Вот тебе раз! — разинул клюв гусак. — Он только что от тебя вышел. Да такой нахмуренный.

Видно, ты его рассердил. Надо тебе перед ним повиниться. Пойди, поклонись ему низко и скажи: «Прости, дедушка Наум, и наставь меня на ум!» Сделай так!

Пошел Ваня туда, куда повел его гусак, и пришел к беленому дому. Стоит на пороге старик знакомый. Поклонился мальчик ему:

— Прости, дедушка Наум, и наставь меня на ум!

Глаза у старика стали добрее, заголубели.

— Ладно, так и быть, наставлю. Иди, куда ведут тебя башмаки. А кого встретишь на пути, загадай тому загадку: «Что сильнее всего? Что всех выше и к небу ближе?» Да не забывай наполнять короб.

Скрылся Наум Грамотник в доме. А Ваня пошел туда, куда башмаки его повели. Привели они его в темный лес. Вышел из чащи огромный медведь.

— Далеко идешь с коробом?

— Иду туда, куда дедушка Наум идти велел. Отгадай загадку, медведь: «Что сильнее всего? Что всего выше и к небу ближе?»

— Я всех сильней! — зарычал медведь.

Обхватил лапами дерево и вырвал его с корнем.

Слетела с дерева синица.

— Я всех выше и к небу ближе!

И скрылась в облаках.

— Неправильно. Не так! — раздался вдруг голос. Раздвинулся древесный полог, и вышел Наум Грамотник. Увидел его медведь, сконфузился, закрывает морду лапой. А дедушка Наум сказал тихо так:

— Стыдно, косолапый. Вкопай дерево в землю снова.

И послушался его медведь огромный.

— Я знаю, что сильнее всего! — крикнул Ваня. — Ты сказал слово, и медведь все исполнил. Слово — сильнее всего!

Заголубели глаза под седыми бровями.

— Правильно! А сейчас я помолюсь Богу, чтобы дерево снова стало свежим и зеленым.

Дедушка Наум помолился. Зашумело дерево молодыми листьями, потекла по стволу смола душистая.

— Видишь, слово всех выше и к небу всего ближе!

— Да, это так! — пропела синица. И все птицы подхватили ее пение.

А деревья протянули Ване орехи и ягоды.

— Складывай все в короб, — сказал Наум Грамотник. — И дальше иди.

Сказал и исчез.

Поредел дремучий лес, и вышел Ваня к реке. Гуси плавают невдалеке. Подплыл к нему знакомый гусь.

— Сделай, Ваня, вот как. Я видел, лежит в камышах невод. Закинь его в щучьей заводи у самого берега.

Ваня так и сделал. Вытянул невод щуку. Глянул Ваня, и стало ему страшно. Открывает щука пасть зубастую, голова поросла мхом, бьет хвостом, как бревном.

— Дедушка Наум, наставь меня на ум! — взмолился мальчик.

И тут словно с неба упала знакомая костяная указка. На глазах у Вани превратилась в копье, ударила щуку и пронзила ее. Ухнуло чудовище в воду неживой корягой. А в берестяном коробе что-то заговорило. Открыл Ваня короб, а там пропавшая азбука. Удивился Ваня.

— Как вы, буквы, сюда попали?

— Нас Наум Грамотник спрятал в орехи и ягоды.

— От кого он вас прятал?

— От колдуньи чернокнижницы. В черной ее книге — черные слова. Мы буквы добрые. Мы мешали ей колдовать. Когда же ты, Ваня, по неразумению своему, ударил по азбуке, черные слова в черной книге колдуньи видны стали. Обратилась она в щуку, Агашу на дно утащила, щучьей травой ее опоила, чтобы она навек замолчала.

— А сейчас она где? — повесил Ваня голову. И услышал голос звонкий, знакомый:

— Я здесь!

Из камышей вышел Наум Грамотник. Он вел Агашу за руку. Взял он свою указку, что была копьем. Положил в полотняную сумку ее. Заглянул в берестяной короб, улыбнулся:

— Все мои буквы вместе снова. Потеряло силу черное слово.

— Дедушка, — Ваня сказал. — Ты меня буквы послал собирать. Значит, ты раньше знал, что так будет? Откуда?

Голубые глаза засмеялись:

— А я вам, ребятки, отвечу загадкой: «Кому на земле все известно: что будет, что есть и что раньше было?» Что это такое?

И Агаша с Ваней ответили:

— Книга! В дупле старой разлапистой ели когда-то жил лесной мальчик по имени Смолка. Дупло — его дом. Там сухо, тепло, пахнет древесной трухой и хвоей. А выглянешь наружу — небо меж еловых веток голубое-голубое. Утром солнце будило Смолку, глядя его по золотым, точно еловая смола, волосам.

Смолка открывал глаза, и начинался веселый день. Прилетали птицы и учили его пению. Пестрый дрозд свистел, заливался-щелкал соловей, свиристель названивала в колокольчики. А когда улетали птицы, Смолка слушал, как звенит ручей, что струился меж еловых корней. Подпевал ветру, что шумел над лесом.

Но вот приходил вечер, замолкали птицы и с ними Смолка. Он укладывался в свою, сделанную из

птичьего пуха, постель, и Старая Ель пела ему колыбельную.

— Спи, зеленоглазый мальчик Смолка.

Но однажды он не спал долго. Все смотрел в небо и увидел, как вспыхнула между веток Зеленая Звезда. Она мерцала, искрилась. Звезда была такой красивой! В груди у Смолки что-то громко забилося.

— Что там такое? — спросил мальчик у Старой Ели.

— Это твое сердце, малыш.

— Сердце? А оно какое?

— Какое? Наверное, оно похоже на бабочку. Слышишь, трепещет, как бабочка под ладонью.

...Смолка привык обо всем спрашивать Старую Ель.

— Скажи мне, Ель, далеко до Зеленой Звезды? И можно ли ее достать?

Старая Ель вздохнула:

— Зачем она тебе? Она высоко в небе, а я на земле. И тебе у меня хорошо.

Не знала Старая Ель, что недолго осталось ей жить на земле. Грозовой ночью налетел ураган, сверкнула молния, расколола ель пополам. Горько плакал Смолка над поваленной елью:

— Прощай, Старая Ель! Кто будет петь мне колыбельные? И куда мне идти теперь? Куда деться?

Сквозь тучи блеснула Зеленая Звезда. И Смолка услышал тихий шепот:

— Иди за своим сердцем.

Зеленый луч сверкнул из туч, коснулся Смолкиной груди, и оттуда, где сердце билось, не замолкая, бабочка выпорхнула золотая. Полетела она впереди Смолки, петляя. Но только стало рассветать, бабочка сложила крылья и прошептала:

— Я засыпаю... Не нужно больше идти за мной. Ведь там, где мой дом, всегда темно. Я — бабочка ночная.

И уснула у Смолки на ладони.

Мальчик стоял под высокой сосной. На сосне был беличий дом. Из окошка показалась усатая морда. Белка крикнула Смолке:

— Что думаешь долго? Полезай сюда, я тебе работу дам — орехи щелкать да складывать в горки. Я зубы все стерла, а у тебя крепкие.

Сосна высока. Смолка устал, пока залез в дом белки. Отдохнул, за орехи взялся. Щелкает да складывает. В одну кучку — крупные, в другую — мелкие. Вечер настал. Белка закрыла дом на засов, задернула занавески. Душно, темно в беличьем доме, тесно. Смолка просит:

— Можно раздвинуть занавески? Скоро Зеленая Звезда встанет в небе. Нет ее прекрасней.

Белка рассердилась:

— Рассказывай басни. Я долго прожила на свете. Никаких звезд на небе нету. Там только птицы да ветки.

— Вы, белки, рано ложитесь спать. А она скоро встанет, Зеленая Звезда.

— Тому, чего не видала, никогда не поверю.

Встал Смолка, открыл засов и вышел за двери. Ночь темна, сосна высока. Затрепетала крыльями бабочка у Смолки на ладони.

— Смолка, может, останемся в доме? Темно. Даже я не вижу тропки.

— Не стану я тебя слушать, бабочка робкая.

Смолка прыгнул с сосны. Затрещал валежник. Смотрит — а на ладони вместо бабочки — золоченый орешек. Скатился с ладони, стукнул о тропку, сказал Смолке звонко:

— Иди, куда я тебя поведу.

Долго шли они, остановились в саду. Загляделся Смолка на дерево, грушами да яблоками увешанное.

— Не останавливайся, — шепчет ему орешек. — Здесь хозяйка — Гусеница.

Но уж очень заманчивы яблоки-груши. И Смолка не послушался. В халате пестром, пушистом и длинном, качается Гусеница в гамаке из паутины. Говорит Смолке голосом тягучим:

— Хочешь груши и яблоки кушать? Иди в работники ко мне. Толста я стала. Не доползу до верхних веток, не достану.

Остался Смолка. Лазит по дереву, рвет яблоки да груши. Носит Гусенице те, что получше, себе — похуже. Вечером лег спать в такой же, как у Гусеницы, гамак. Зеленая Звезда встала над садом.

— Она совсем близко! — шепчет орешек. — Заберись на вершину и будешь с ней рядом.

Хотел Смолка встать, да не смог. Облепила его паутина, опутала с головы до ног.

— Развяжите! — кричит Смолка Гусенице. — Мне надо туда, где Зеленая Звезда.

— Звезда? — бормочет спросонья Гусеница. — А ее можно съесть? Нельзя? Тогда не приставай ко мне со своими глупостями.

Долго барахтался мальчик в паутине, пока не услышал вдруг: тук-тук-тук. Кто-то в орешке бьет молоточком. Словно кузнечик. И точно. Раскрылся вдруг золоченый орешек, и выпрыгнул из него зеленый кузнечик.

— Кузнечик, кузнечик, есть у тебя молот и наковальня?

— Есть.

— Скуй мне, кузнечик, меч.

Сковал кузнечик меч настоящий, острый, блестящий, только маленький. Разрубил Смолка мечом паутину и на дерево взобрался, на самую вершину. Зеленая Звезда была совсем близко. Руку протяни — и достанешь. Но так только казалось. Она была далеко, как прежде.

— Мальчик, что ты здесь делаешь? — спросил Смолку Скворец, выглянув из скворечника.

— Я иду туда, где Зеленая Звезда.

— Путь до нее — бесконечен. И достать ее можно только взглядом.

— Но она ведь совсем рядом...

— Эх ты, глупыш, — покачал Скворец головой. — И ты взялся спорить со мной? Я — ученый скворец. Я сто книг прочитал и все про звезды знаю.

Ученый скворец оказался добрым малым. Он пригласил Смолку к себе в скворечник. Скворец то ученые книги читал, то насвистывал. А Смолка молчал. Он забыл все лесные песни. А ведь он знал их так много!

Однажды Скворец с ученым видом сказал:

— Скоро в этом полушарии похолодает и наступит осень. Я это точно знаю. Летим на юг. Ты там никогда не был.

— А восходит ли там Зеленая Звезда?

— Нет. Там другие звезды. Там сверкает Южный Крест.

— Тогда я останусь здесь.

Пошли дожди. Тучи закрыли небо. Зеленая Звезда не показывалась, как будто ее и не было. Ученый скворец все звал Смолку с собой и, жалея мальчика, решил его напугать.

— Летим. Она никогда не появится больше, твоя Зеленая Звезда.

— Никогда?!

— Никогда!

И Смолкино сердце, золоченый орешек, расколосось пополам. Осталась в груди одна половинка, а другая стала маленькой скрипкой. Пропела скрипка, пол-орешка:

— В путь отправляйся, не мешкая, Смолка. Иди и играй. Остановишься там, где я смолкну.

Вылез Смолка из скворечника. И пошел, играя грустную песенку. Пела скрипка, пол-орешка, долго. А когда она смолкла, мальчик увидел старый дом.

Вошел. В комнате никого. Только скрипка на столе. Так и светится! Как будто глядят на нее сразу и солнце, и месяц. От скрипки еловыми лапами пахнет. Вздрыгнул Смолка от знакомого запаха: вспомнил Старую Ель. Сбоку у скрипки была маленькая дверца. Открыл он ее и словно очутился в знакомом дупле: сухо, тепло, пахнет трухой еловой и хвоей.

И тотчас же вспомнил Смолка все песни елового леса. Запела в руках его скрипочка, пол-орешка. Пела, как соловей, звенела, как свиристель, тенькала, как синица. И журчала, как тот прозрачный ручей, что под Старой Елью струился. И повторяла песни, что распевал ветер в вершинах леса.

...В комнату вошли Старик и мальчик. Мальчик воскликнул:

— Сама запела скрипка! Слышишь, как поет чудесно!

Старик нисколько не удивился. Ведь он был скрипичный мастер. Он погладил скрипку и ответил мальчику:

— В скрипке всегда кто-то живет, если она настоящая. И в этой кто-то живет. Когда-то его домом была старая елка. Из нее я эту скрипку и смастерил.

Старый мастер скрипку внуку подарил. И когда мальчик на ней вечерами играл, на смычок ее опускалась и мерцала-искрилась Зеленая Звезда.- Страница 16 - Целая связка ключей была у старой хозяйки: большой ключ от двери, ключ маленький от висячих замочков на ставнях, медный ключ от часов, резной — от буфета.

И еще один, совсем крошечный ключик. От чего он был?

Никто не знал. Он лежал у хозяйки под подушкой, завернутый в обрывок кружева. Зато другие ключи трудились целыми днями: заводили часы, щелкали в замках, запирали, отпирали.

Ключ от буфета был исключением. Его брали в руки только по воскресеньям. Распахивалась дубовая дверца, хозяйка снимала с полки маленькую мельницу и коробку с пряностями. Хозяйка ручку мельницы вертела, та пряности молола и, постукивая, пела:

Тук-тук-тук-тук,
Твердые зерна —
В муку истолку!
Кору коричную —
В порошок коричневый.
В мелкий песок
Гвозди гвоздичные.
Имбирь и ваниль —
В пыль!

Смолов пряности, хозяйка доставала Безмен. Он был самой хозяйки старей. Взвешивал продукты не граммами, а фунтами. Старый Безмен терпеть не мог пряностей: от них он беспрерывно чихал:

— Фу ты...

Но вот корица, гвоздика, имбирь и ваниль развешены. Хозяйка замешивала тесто и пекла печенье. Но сама его не ела. Укладывала в коробку и несла посылку на почту. Так было каждую неделю.

— Это внуку, — говорила она соседям.

Те качали головами:

— Сколько хлопот в таком преклонном возрасте! Такая любовь к внуку достойна восхищения.

Но хозяйкина кошка-копилка была совсем другого мнения:

— Это печенье — деньгам перевод. Мне, Копилке, и копейки не перепадет. Все внуку. А какой он? Вот бы взглянуть. Хозяйка говорит, что портрет его вставлен в ее медальон.

— А что он посылает хозяйке? — интересовался Безмен. — Ничего? А ведь так не бывает. Все на свете обмен: ты — мне, я — тебе. Все рассчитано и все взвешено. А тут что-то не так. Тут что-то другое замешано.

Каждый день открывала и закрывала хозяйка ставни, заводила часы, печенье пекла и старилась, старилась. Она уже так ослабла, что не выходила из дому. Кошка-копилка теперь распоряжалась

всеми ключами. Правда, тот крошечный, что лежал под подушкой, был исключением.

Копилка сразу отказалась стряпать печенье: «Лучше я припрячу копейку-другую». И пряностей не покупала. Хозяйка теперь сэкономила каждую крупинку, но печенье пекла попрежнему. А относили его на почту соседи.

Но вот осталось пряностей всего ничего: корицы с гвоздикой пол-ложки, ванили в банке на донышке да два кофейных зернышка.

— Это мое последнее печенье, — вздохнула хозяйка. — Надо его испечь как можно лучше.

Она взялась за мельничную ручку. Завертелась со скрипом маленькая мельница и вдруг остановилась. Хозяйка дернула ручку что есть силы.

— Осторожней! — раздался отчаянный голосок. — Вы мне ногу прищемили!

Хозяйка чуть не выронила из рук мельницу. Из нее карабкался маленький человечек в белом колпаке и переднике.

— Ты кто, малыш?

Сверкнули белые зубки:

— Я-то? Я — мельник.

— А откуда ты взялся?

— Из ваших запасов. Из корицы коричневой — мой загар коричневый, зубы, фартук, колпачок — из ванили белой. А глаза у мельника — два зерна кофейные.

— А с чем же я буду стряпать печенье?

— Ну, на меня ушла самая малость. Что-нибудь да осталось.

Мельник завертел мельничную ручку, высыпалась из мельницы пряностей кучка. Скоро печенье было готово и уложено в коробку. Маленький мельник стряхнул с фартука крошки и отправился с печеньем на почту. Старая хозяйка прилегла отдохнуть и уснула.

И немудрено. В комнате было темно. Кошка-копилка совсем обленилась, не заводила часов, не открывала ставен, толстая стала. Дремлет хозяйка и не слышит, как шепчутся Копилка с Безменом:

— Откуда он взялся, этот мельник? Что ему надо, мошеннику?

— Известно что. Хозяйское сокровище.

— Сокровище? Какое еще?

— Я давно думаю, — важно начал Безмен. — Зачем хозяйке эта возня с печеньем.

— Ну и зачем?

— Для отвода глаз. Чтобы морочить соседей и нас. Никакого внука у нее нет.

— Нету? А как же портрет? Тот, что она в серебряном медальоне носит.

— И про портрет — нарочно. В медальоне этом спрятано сокровище. Я выследил: ключ от него под подушкой.

Глаза у кошки вспыхнули, точно две лампы. Она сунула под подушку лапу и подкралась к спящей хозяйке с ключиком. Медальон открылся. В нем было пусто...

В эту минуту вошел Маленький мельник. Старая хозяйка открыла глаза. Увидев, что медальон открыт, она тихо сказала:

— Мне всегда так хотелось, чтобы у меня был маленький внучек. Когда я посылала печенье, мне всегда казалось, что он у меня где-то есть. Я в это верила.

— Безумие! — не утерпел Безмен. — Ухлопать столько денег и ничего взамен. Внучек! Какая глупость! Кто сколько дает, тот столько и получит.

— Вот именно, — подтвердил Маленький мельник. — А не осталось ли у нас пряностей для печенья?

— Все вышли, — вздохнула хозяйка. — Осталось только немного перца.

Мельник открыл буфетную дверцу. Дунул — поднялась облачком пахучая пыль: кофе, корица, ваниль. Смел он в мельницу все до пылинки, пошарил по углам, косточку вишневую достал. — До чего же похожа на сердце! Добавил для крепости молотого перца и взялся за ручку мельницы. Завертелась она, заскрипела:

Маленький мельник — он ведь волшебник,

Маленький мельник, что захочет, смелет...

И вдруг спохватился.

— Чтобы был счастливым мальчишка, родинки нужны, и про веснушки я тоже забыл.

Натрусил мака и проса золотого и взялся за мельницу снова.

Просо да мак,

Да косточка вишни,

Пряности, перец,

Вот и вышел мальчишка!

И выбежал мальчишка, загорелый, веселый.

— Бабушка! — закричал он. — Тут душно, темно, надо открыть окно!

К кошке-копилке подскочил и выхватил у нее ключи. Ставни открыл, завел часы, распахнул окна настежь.

— Бабушка, ты почему плачешь?

— Я не плачу.

— А почему у тебя мокрые глаза?

— Не мокрые. С чего ты взял? Вытряси из копилки деньги и иди фотографироваться. Немедленно.

Да пряностей не забудь купить для нового печенья. Пора мне его, наконец, и попробовать. Хотя опять не достанется вволю: для троих надо стряпать печенье. Для тебя, для меня и для Маленького мельника. Полетели осенние листья. Бабушка достала из сарая Метлу, чтобы их вымести, и во дворе оставила. А Метла, когда бабушка ушла, пробралась в дом — и давай мести! Полетели вместе с листьями рисунки, фотографии, письма...

— Что ты делаешь? — закричал Алеша.

— Это все сор, сор, — бормочет Метла.

И вот уже до бабушкиной соломенной шляпы добралась.

— Неправда! — бросился за шляпой Алеша. —

Бабушкина шляпа не старая! На нее бабочки садятся, и все цветы в саду ей кланяются.

Сидит, шляпу стережет, а Метлу выставил за порог. И слышит из-за двери:

— Недолго ее час, уж ты мне поверь. И я была когда-то ветлой, а стала Метлой. Никто от своего часа не уйдет. Никто.

— Ни-кто, ни-кто, — вторил осенний дождь за окном.

Стало Алеше страшно, когда же придет бабушка? А если никогда не придет и он не увидит ее больше...

И вдруг чей-то голосок:

— Возьми маковое зернышко, Алеша.

Из бархатной серединки алого мака, что цвел на полях бабушкиной шляпы, взял он зернышко, черно-лаковое. Положил на ладонь.

— А теперь надень шляпу.

Просунул Алеша в шляпу голову. Запахло нагретой на солнце соломой. Засияло над головой небо — золотое, в синих просветах. Пролетел душистый теплый ветер...

Здесь, под соломенной шляпой, было лето! Алеша услышал жужжание пчел и гудение жуков:

— Добро пожаловать в наш цветочный городок!

Ласковое солнце золотило купола, башенки и шпили. В центре города высились большие часы. Вместо цифр были нарисованы цветы. С высокого стула, что стоял под часами, встала навстречу Алеше девочка с соломенными волосами. Глаза у нее были веселые, щеки и нос — в цветочной пыльце.

— Меня зовут — Соломинка. Я смотрительница Летних часов.

Алеша сразу узнал этот голосок. Это он позвал его сюда. В часах постукивало, точно там затаился кузнечик. Алеша прислушался и услышал песенку:

Тики-так, тики-так,
 Цветы считает лето:
 Нютики, лютик, табак
 Сменили первоцветы.
 Маргаритки, василек,
 За ними маттиола
 В свой черед к нам придет.
 ...Длится счет веселый.

Вокруг часов толпились человечки. Вместо шляп — цветочные венчики. У каждого на руке часики сверкали. Человечки-цветы сверяли их с большими часами.

— Каждый из них знает свой час, — сказала Соломинка. — Час, когда расцвести, и час, когда уходить.

— Раз они все знают, зачем же тебе здесь сидеть? Пойдем погуляем, — предложил Алеша.

Соломинка улыбнулась и даже не пошевелилась на своем стульчике.

— Я Летних часов Смотрительница, мне нельзя отлучаться. Лето мчится так быстро: не по дням — по цветам. Не успеешь оглянуться — его час настал. Вот тут-то надо не зевать и повернуть часы назад. Тогда они снова поведут свой счет, только задом наперед: от поздних цветов до первоцветов. Под Соломенной шляпой вечное лето!

И Алеша пошел гулять один. Он обошел множество цветочных домиков. Все цветы, что в них жили, были счастливы и довольны.

— Пусть мы скоро уйдем, — говорили они, — но ведь мы снова вернемся в свои цветочные дома с окошками на солнце.

Алеша верил цветам: все они были его знакомцы. Всех он встречал в бабушкином саду каждое лето. И только одного цветка он под Соломенной шляпой не встретил. Он был нездешнего лимонного цвета, и весь день он дремал, вспоминая ароматы тех стран, откуда он родом. К вечеру он раскрывал свои лепестки — их было много. Целыми ночами он разговаривал с луной о дальних странах. Тянулся, чтобы разглядеть их за горами. И вырос высокий, словно деревце...

Куда же он мог деться?

Алеша пошел к Соломинке: она-то все знает. Смотрительница, как всегда, сидела прямо под часами. А песенка у часов была другая:

Тики-так, тики-так...
 Мчится, мчится лето,
 Где ты, белый ландыш,
 Ирис фиолетовый?
 Бархатные бархатцы,
 Атласные левкои,
 Алые гвоздики нежатся во зное.
 Лилии раскрылись,
 Клонятся шафраны.
 Подождите, не грустите,
 Прощаться с летом рано!

Вот такую песенку выстукивали часы, и Соломинка поглядывала на них очень внимательно.

— А почему ни в одной песенке не говорится про лимонный цветок? И почему я его не встретил? Он рос в бабушкином саду целое лето, почему его нет? — спросил Алеша.

Личико в золотой цветочной пыльце затуманилось.

— Не знаю... Может быть, потому, что он самый лучший. А самые лучшие не возвращаются.

— И он не вернется никогда?

Соломинка побледнела, словно сдуло ветром золотую пыльцу с ее щек и носика.

— Зачем ты сказал это слово? Запомни: под Соломенной шляпой его не произносят.

Цветы, что толпились вокруг часов, тревожно зашептались. И никто не заметил, как под куполом

шляпы закружилась бабочка-траурница. А часы между тем постукивали:

Золотая стрекоза

Среди астр кружится,

Первым инеем сверкает

Белая жемчужница.

Покидает лето нас —

Бьет его последний час...

С первым ударом Соломинка вскочила со стула и бросилась к часам, чтобы перевести стрелки назад. Бабочка-траурница закружилась над часами и вдруг опустилась туда, где сходятся стрелки — минутная и часовая. Обе они скрылись под крыльями с черными бархатными каймами.

— Все, — прошептала Соломинка, — мы пропали. Прощай, Лето!

Налетел откуда-то холодный ветер, подхватил Соломинку и умчал вместе с последними цветами.

Не помнил Алеша, как очутился в своей комнате. В окошко глянул: ветер. Соломенную шляпу несет, похлужую, побуревшую, с поникшими полями. Выскочила Метла, шляпу замела и — в костер, где тлели листья. Вспыхнула солома и погасла...

Алеша плакал, когда пришла бабушка.

— Может быть, тебе это привиделось? — спросила она. — Шляпу просто унесло ветром.

— А как же это? — Алеша раскрыл ладонь.

На ней лежало зернышко маковое, крохотное, чернолаковое. Улыбнулась бабушка:

— Посей его весной.

Алеша так и сделал. Посадил весной зернышко в землю, и скоро среди тюльпанов поднялся алый мак. Подивилась бабушка: какой ранний! К вечеру опали лепестки, остался зеленый сундучок. В сундучке раздался щелчок, он открылся: свернутая, как бутон, вся в складках, там пряталась Соломенная шляпа. Бабушка развернула ее и надела себе на голову. Оказалась шляпа в пору, на полях — алый мак, в бархатной серединке — семечки маковые.

— Ну вот, — улыбнулась бабушка, — а ты плакал. Все хорошо, и Соломинка по-прежнему сидит у часов и сторожит Лето.

— А Лимонный цветок? Он вернется?

Бабушка вздохнула:

— Опять ты об этом? Нет его, но есть сказка. А сказка или цветок — не все ли равно?..- Страница 17
_ Все знают: на Луне люди растут быстро. Вместе с лунным диском. И то, что когда-то были детьми, скоро забывают. Но исключения из правил и на Луне случаются. Жила там когда-то лунная девочка Половинка. Сердце у ней билось часто-часто, будто у птицы. И росла она так же быстро, как растет Луна. К тому времени, когда становилась круглой Луна, Половинке уже исполнялось двадцать. Но вот Луна начинала уменьшаться, и вместе с ней начинали убывать Половинкины года. Да, да!

Лунная девочка этому радовалась. Быть взрослой ей нисколько не хотелось. Половинка считала, сгибая пальцы: двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать...

Когда Луна убывала как раз до половины и начинала превращаться в Месяц, Половинке исполнялось ровно десять. Десять лет! Лучшего возраста не было и нет! Чтобы еще сильнее не уменьшиться, Половинка распустила свой парашют и прыгала с Месяца. На Земле все ночные звери лунную девочку знали. Знал ее и мышонки Сухарик. Он первым предложил в честь лунной гостьи устроить праздник. И сказал об этом одному молодому Поэту.

А было это так. Ночью Поэт не спал. Он вышел в свой сад посмотреть на Луну. И вдруг видит: из-за

клумбы с петуниями мышонок идет, сереньки
 — Я мышонок Сухарик, — сказал мышонок Поэту. — Поздравляю Вас с праздником.
 — Что за праздник такой? Почему ночью?
 — Праздник хороший очень! Полулуние сегодня. Посмотри на месяц. Лунной девочке Половинке сегодня исполнилось десять лет. И все, кто не спит, половинку чего-нибудь должны подарить. Вот тебе пол-яблока. Раздели пополам и мне половинку отдай.
 Они похрустели яблоками, и Поэт спросил Сухарика:

— А она, эта лунная девочка, какая?
 — Обыкновенная. У нее две косы. Платье синее в клетку, нос в веснушках, а глаза грустные.
 — Почему грустные?
 — Потому что на Луне никогда так не будет, как эта девочка придумала. Она бы хотела, чтобы, во-первых, никто никогда не плакал. Чтобы звери при встрече давали людям лапу. Чтобы на Луне были зима и лето. И чтобы всегда росли деревья, цветы и дети. И чтобы страшные сны не снились, а только хорошие и цветные.
 — Замечательно. Я бы ей подарил золотую карету или серебряный велосипед.
 — Зачем ей они? — сказал строго Сухарик. — Дарить велосипед и карету совсем не по правилам.
 — Да у меня ничего такого серебряного и золотого и в помине нет.
 — Значит, ты настоящий поэт. Серебра и золота у них не бывает, зато сердце хрустальное. Чем не подарок? Но не забудь: надо дарить половинку. Это не трудно. Надо только о том, кому даришь, подумать, и всего-то.
 И поэту вдруг вспомнилась Девушка, что жила неподалеку, через дорогу. Когда он уезжал, она приходила поливать клумбу с петуниями.
 — Она такая красивая, — сказал поэт. — Веселая такая.
 И тотчас же половинка его сердца проплыла, светясь в темноте, к мышонку Сухарику. Мышонок перебежал дорогу и вместе с лунным лучом пробрался к Девушке в комнату. Она крепко спала.
 — Вам подарок! Подарок! — стал будить ее Сухарик.
 — Какой еще подарок? — Спросила Девушка сонно.
 — Вот, — протянул ей половинку хрустального сердца мышонок. — Примите в подарок.
 Девушка открыла один глаз и пробормотала:
 — Что это такое? Непонятно. Лучше бы это была шоколадка.
 Прибежал обратно с подарком Сухарик.
 — Ну что же, не очень-то нравятся такие подарки девушкам. А ты еще хотел, чтобы я подарил его лунной девочке.
 — Не беда! У меня есть друг. Мы пуд соли съели с ним вместе.
 К другу Поэта побежал Сухарик с половинкой сердца.
 — Что это он? — удивился разбуженный друг.
 И стал рассуждать так и сяк:
 — А ведь это совсем не пустяк. Возьмешь, надо отдать половину своего сердца. Мое-то будет крепче. А его-то — разобьется почему зря. Сделаю-ка я пепельницу из этого хрусталя.
 Скоро половина хрустального сердца превратилась в набитую окурками пепельницу. Когда хозяин уснул, взял ее Сухарик, отнес на речку, отмыл чисто-чисто. Ничего не сказал он поэту и отнес половинку хрустального сердца соседскому мальчишке.
 Вот кто обрадовался подарку!
 — Из этой штуки выйдет отличный корабль! — Мальчишка вскочил с кровати, не ожидаясь утра,

прибежал на речку и пустил половинку хрустального сердца. Она поплыла по волнам: заиграли под Луной хрустальные грани зелеными, синими, оранжевыми искрами...

Половинка как раз собиралась прыгать с Луны вниз. Она распустила свой парашют и попросила:

— Опустить меня там, где плывет эта лодочка красивая.

Приземлившись, девочка достала хрустальную лодочку и услышала:

— Я вовсе не лодочка и не кораблик. Я половинка сердца. Поэт хотел меня подарить, но я никому не нужна, хотя и хрустальная.

— Значит, придется возвратить ее Поэту. Какая жалость!

Лунная девочка вздохнула, и что же? Тотчас же исчезла с ее ладони хрустальная лодочка, на ее месте лежала половинка ее собственного сердца. Она была похожа на половинку маленькой Луны.

— Теперь у тебя тоже есть что дарить, — подбежал к девочке Сухарик. И отвел ее в дом с петуниями.

— Это Вам мой подарок в честь праздника Полулуния. — Девочка протянула Поэту ладонь, и тотчас же исчезла с нее половинка лунного сердца. А Поэту стало так весело и легко, как было только в детстве.

Половинка гостила в доме с петуниями две недели. Пришло время возвращаться. Но не очень-то Половинке хотелось на Луну.

— У вас тут бывает зима и лето, а летом — цветы, и всегда деревья и дети, — сказала она, вздохнув.

Поэт возразил ей:

— Но на Земле никогда не будет так, чтобы никто не плакал. И боюсь, что звери людям так никогда и не протянут лапу.

— Зато ты можешь написать об этом стихи.

— Я напишу. Обещаю.

Лунная девочка развернула свой парашют, и они попрощались. Парашют медленно взлетел. Долго Поэт и мышонок Сухарик махали ему вслед...

Прошло десять лет. Луна росла и убывала. Но праздник Полулуния на Земле больше не отмечали. Половинке уже не исполнялось десять лет каждый месяц. Вместе с Луной она не росла и вместе с Луной не боялась уменьшиться. Ее сердце билось теперь мерно, ровно, будто волна во время прилива. Но то, что случилось десять лет назад, лунная девочка не забыла.

И однажды ей вот что приснилось — золотая карета! В ней — она и Поэт. Они едут венчаться. Половинке в ту ночь исполнилось двадцать. Ни минуты не медля, она распустила свой парашют и прыгнула вниз. Петунии цвели так же пышно. Половинку встретил Поэт. И мышонок Сухарик вышел.

— Я написал стихи, — сказал Поэт, — в них все так, как ты хотела.

И они поехали венчаться. В золотой карете. А фату невесты поддерживал мышонок Сухарик. Он был самым важным гостем на свадьбе. Половинке он преподнес букет мышиноного горошка. А Поэту на память — подушечку с сухими цветами и разноцветными снами.